

Покорив одну гору, начинай штурмовать другую...

Мы никогда еще не цитировали Мэрилин Монро в своем журнале. Но вот дошло дело и до этого. А что — закончился 2015 год, который у нас был непростым, как и у всей страны, но завершился вполне успешно. Как известно, в конце 2015 года пересматривался Перечень периодических изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ для публикации материалов кандидатских и докторских диссертационных исследований, в который журнал «Информационное общество» вошел с 26 февраля 2010 года. С 1 декабря 2015 года журнал вновь получил свое место в этом Перечне. Наше издание также было включено в Russian Science Citation Index, где на платформе Web of Science в виде отдельной базы размещаются лучшие российские журналы из РИНЦ. Эти факты накладывают на редакцию еще большую ответственность и вселяют надежду на покорение новых вершин.

Публикации нашего журнала, стоящего на пересечении многих научных дисциплин, отражали весьма актуальные проблемы. В них затронуты самые разные новые для нас темы, среди которых были социокультурная безопасность, современный медиаландшафт, поколение «Z», краудсорсинг, страхование информационных рисков. Не были обойдены вниманием и негативные явления, заслуживающие пристального внимания исследователей, — информационная война, манипулятивные технологии, сопротивление инновациям.

Традиционно в фокусе нашего внимания было место человека в информационном обществе — мы изучали факторы, определяющие его социальное и экономическое благополучие, но при этом не забывали и о тех, что разрушают это благополучие и способствуют разобщению. Продолжалось активное обсуждение возможностей использования ИКТ в ключевых сферах — здравоохранении, культуре, государственном управлении, науке, социальной политике, транспорте, а также влияния интернета и СМИ на общество.

Мы, как и прежде, стараемся обеспечить географическую широту наших публикаций. Так, из 61 автора, чьи работы были опубликованы в журнале в истекшем году, 6 представляют Бразилию, Германию, Китай и ЮАР, а остальные — российские регионы: республики Башкортостан и Хакасия, Астраханскую область, Москву, а также Омскую, Пермскую, Ростовскую, Саратовскую, Тамбовскую и Томскую области.

В 2015 году мы закончили публикацию глав из книги Питера Найта «Интернет в Бразилии. Возникновение, стратегия, развитие и управление», обстоятельно познакомив наших читателей с развитием интернета в дружественной стране. Кроме того, была переведена на русский язык и напечатана развернутая аннотация на книгу известного исследователя проблем электронного развития, эксперта с мировым именем Наги Ханна «Трансформация в сетевое общество. Руководство для лиц, принимающих решения». Специально для нашего журнала директор Центра LINK университета Витватерсранда Люси Абрахамс подготовила обзор проблем развития цифрового общества в ЮАР. И, наконец, свое эксклюзивное интервью журналу дал Генеральный секретарь Международного союза электросвязи Хоулинь Чжао.

Поздравляем всех наших дорогих читателей, авторов, членов редсовета и сотрудников редакции с новым 2016 годом и желаем доброго здоровья, счастья и успехов. И, конечно, надеемся на продолжение нашего сотрудничества.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ТАТЬЯНА ЕРШОВА

№ 6
2015

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ.-мат. наук, доц., acad. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р фил. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р фил. наук, проф.
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — д-р экон. наук
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ГРЕБЕНИЧЕНКО Сергей Федорович — д-р ист. наук, проф., acad. РАЕН
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — д-р фил. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл. — кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КРИСТАЛЬНЫЙ Борис Владимирович — канд. геол. — минерал. наук, проф.
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — д-р социол. наук
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ.-мат. наук, acad. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ТИХОНОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф., acad. РАО
ЧЕРЕШКИН Дмитрий Семенович — д-р техн. наук, проф., acad. РАЕН
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

ДИЗАЙН-ПРОЕКТ:

КЕЛЕЙНИКОВ Иннокентий

ВЕРСТКА:

МАКАРЕНКО Олег
Константинович

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Рег № 015 766 от 01.07.1999)

ISSN 1606-1330 (печ.), ISSN 1605-9921 (эл.)

Подписные индексы:

по каталогу Агентства «Роспечать» (красный) — 70264
по объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый) — 84668

Адрес редакции: 105062, Москва, ул. Макаренко, д. 2/21 стр. 1,
2 этаж, офис 8

Для подписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 716

Тел./факс: (495) 625-60-69, 625-41-24

Электронная почта: infosoc@iis.ru

Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию
с редакцией.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность
и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических
данных, собственных имен, географических названий и прочих
сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих
открытой публикации. При любом использовании оригинальных
материалов ссылка на журнал обязательна.

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

**1 ДЕКАБРЯ 2015 ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЖУРНАЛ
ВХОДИТ В ДАННЫЙ СПИСОК С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА.**

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Пара(-)Тайп

IN LEGAL USE

В макете журнала использованы
шрифты ООО НПП «ПараТайп»

Формат 70×100/16. Объем 4 п.л.
Печать офсетная. Бум. офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
«Лига-Принт»
Москва, ул. 12-я Парковая, д. 11/49
Тел.: (495) 465-5886

СОДЕРЖАНИЕ № 6 2015

СЛОВО РЕДАКТОРА

- 1 **Покорив одну гору, начинай штурмовать другую...**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 4 СЛАВИН Борис Борисович **Взаимосвязь этапов развития информационных технологий и экономики**

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 14 АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна **Гуманитарные технологии в контексте информационной войны**
- 25 ТУЗОВСКИЙ Иван Дмитриевич **Парадоксы информационного общества**
- 35 ЖЕЛНИН Антон Игоревич **Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации**
- 42 ЧИЖОВ Дмитрий Вячеславович **Анализ механизмов влияния на политическое поведение поколения «Z»**

КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 53 ИГНАТОВА Екатерина Сергеевна **Научная библиотека вуза в информационном обществе: от мечты к реальности**

ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

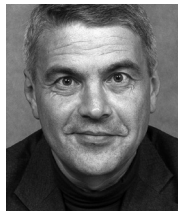
- 59 КЛОЧКОВА Елена Николаевна **Статистическое исследование ключевых индикаторов развития информационного общества в России**

ИНФОРМАЦИЯ

- 69 **Abstracts**
- 72 **Наши авторы**
- 75 **Указатель авторов, публиковавшихся в журнале «Информационное общество» в 2015 году**
- 77 **Указатель статей, опубликованных в журнале «Информационное общество» в 2015 году**

Взаимосвязь этапов развития информационных технологий и экономики

Статья рекомендована Б. В. Кристалным 18.11.2015 г.

СЛАВИН Борис Борисович

Кандидат физико-математических наук, научный руководитель факультета прикладной математики и информационных технологий и профессор кафедры бизнес-информатики Финансового университета при Правительстве РФ

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимосвязи этапов развития информационных технологий с этапами экономического развития общества. Показано, что этапы развития общества (индустриальное, постиндустриальное, информационное, общество знаний) можно использовать для классификации технологий управления (инсорсинг, аутсорсинг, краудсорсинг, ноосорсинг) и объектов управления (ресурсы, услуги, информация и знание). При этом отрасли экономики можно объединить по технологиям и объектам управления, что позволяет сопоставить им соответствующие информационные технологии. Проведенный анализ позволяет более четко позиционировать роль ИТ в организации в зависимости от используемых ею технологий управления, изменять уровень зрелости в использовании ИТ.

Ключевые слова:

этапы развития ИТ, эпохи развития общества и экономики, технологии и объекты управления, отрасли экономики.

Роль информационных технологий (ИТ) в обществе постоянно возрастает, все больше предприятий используют ИТ с целью повышения эффективности управления и конкурентоспособности на рынке. В середине прошлого века компьютерные технологии в бизнесе использовались в основном крупными производственными компаниями для расчетов оптимальной загрузки цехового оборудования и планирования поставок с использованием MRP-систем (Material Requirements Planning Systems). Это было время развития корпоративных вычислительных центров, руководители которых фактически и стали первыми менеджерами по ИТ. Мало кто из обычных сотрудников предприятий был непосредственно вовлечен в работу информационной системы (ИС), данные в которую вносили операторы вычислительного центра.

В конце прошлого века информационные технологии получили более широкое распространение, и стали применяться уже не только в решении задач планирования производства, но и для автоматизации деятельности большинства служб предприятия (финансовых, коммерческих, кадровых), чему способствовало бурное развитие корпоративных сетевых технологий и повсеместное использование персональных компьютеров. Руководитель ИТ-службы стал одним из топ-менеджеров предприятия, даже появилась специальная аббревиатура — СИО (Chief Information Officer), которая ставила руководителя ИТ подразделения на один уровень с исполнительным (СОО) или финансовым (СФО) директором.

В наше время информационные технологии уже выходят за границы предприятий, вовлекая в информационный обмен клиентов, партнеров, надзорные органы и даже акционеров. Благодаря глобальным коммуникациям и интеллектуальным технологиям современные ИТ позволяют создавать совершенно новые виды бизнеса за счет широкого использования инструментов самообслуживания, формировать уникальную среду для управления знаниями и инновациям. Можно сказать, что информационные технологии развиваются вместе с экономикой и предприятиями, соответствуя экономической эпохе.

Зависимость роли ИТ в деятельности предприятия от отраслевой принадлежности — тема настоящей статьи. Информационные технологии могут играть разную роль: быть вспомогательной функцией, как хозяйственные службы, способствовать повышению эффективности бизнес-процессов в организации, но могут становиться неотъемлемой частью бизнеса (например, в области финансов и телекоммуникаций). Особую роль информационные технологии будут играть в обществе знаний, когда основная доля добавленной стоимости будет формироваться за счет коллективной интеллектуальной и творческой деятельности.

ИТ в индустриальную и постиндустриальную эпохи

В книге [1] показано, что существенное изменение роли ИТ в деятельности организаций можно связать со сменой технологических эпох — от индустриализации до формирования общества знаний. Существуют различные классификации технологических эпох. В некоторых из них [2] информационное общество рассматривается как часть постиндустриального общества, в других классификациях информационное общество выделяется в качестве новой (постиндустриальной) эпохи [3, 4]. Подобное различие в подходе к классификации имеет место и для следующей эпохи — общества знаний [5, 6], которое может рассматриваться и как часть постиндустриальной эпохи, и как отдельная формация.

В настоящей работе мы будем выделять четыре следующие друг за другом технологические эпохи — индустриальную, постиндустриальную, информационную и общество знаний, поскольку каждой из них можно сопоставить уникальную технологию организации труда (сорсинг). Более того, перечисленным эпохам, как будет показано ниже, может быть сопоставлен и особый набор ИТ, отвечающий той или иной форме организации управления. Несмотря на то, что информационные технологии получили широкое распространение лишь в эпоху расцвета постиндустриального общества и зарождения информационного общества, их становление повторяет этапы развития экономики в целом, поэтому раннее развитие ИТ может быть отнесено к более ранним эпохам.

Индустриальное общество исторически является первой технологической эпохой, когда процесс создания товара или услуги (который в доиндустриальную эпоху практически полностью обеспечивался одним человеком — ремесленником) был поделен на отдельные функции. Можно сказать,

что основой индустриализма является технология инсорсинга, а характерными формами организации экономической деятельности этой эпохи являются крупные фабрики и заводы. В развитии ИТ этой эпохе логично сопоставить время широкой автоматизации производства, начавшейся, правда, уже в постиндустриальную эру (с середины прошлого века) внедрением систем класса MRP и закончившейся периодом тотального внедрения систем класса ERP (Enterprise Resource Planning).

На смену индустриальной эпохе пришло постиндустриальное общество. Его появление было обусловлено универсализацией отдельных обеспечивающих создание товара или услуги функций, которые эффективнее развивались вне рамок предприятия. Поскольку такие функции могли быть предоставлены как услуги сразу многим компаниям, это позволяло выиграть на массовости и повысить качество услуг. К таким функциям, ставшим услугами, можно отнести юридические, торговые, транспортные функции и услуги системной интеграции. Индустриальный мир как бы рассыпался на отдельные компании и фирмы, которые стали оказывать друг другу услуги. Именно поэтому постиндустриальный этап развития экономики связывают с резким ростом рынка услуг, с формированием взаимозависимой бизнес-среды.

На рисунке 1 графически показано изменение доли товаров и услуг в добавленной стоимости частного сектора Соединенных Штатов Америки с 1947 по 2014 г. (на основе данных Бюро экономического анализа (БЕА) Министерства экономики США¹). Нетрудно заметить, что доля производства товаров (штриховая линия на рисунке), которая была сопоставима с долей услуг (сплошная линия) в середине прошлого века и составляла более 40% всей добавленной стоимости, снизилась в современную эпоху более чем в 2 раза, а по отношению к услугам — более чем в 3 раза.

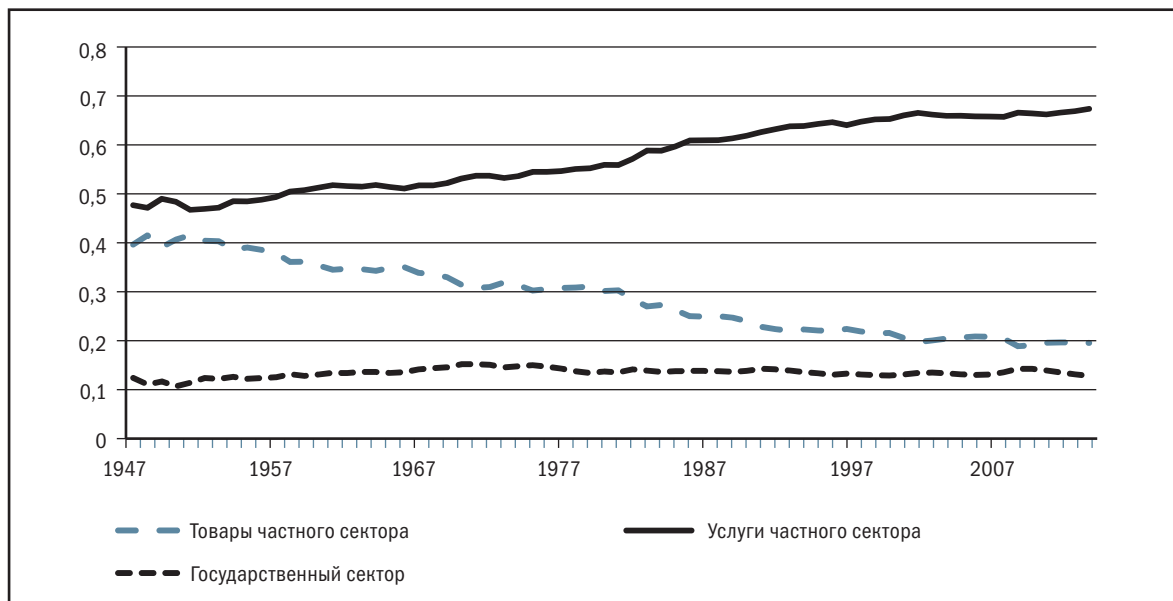

Рис. 1. Доля товаров и услуг в добавленной стоимости в США, 1947–2014 гг.

¹ Данные с сайта Department of Commerce — <http://www.bea.gov>

Можно сказать, что технологией постиндустриального общества становится аутсорсинг, а типичными представителями этой эпохи являются розничная и оптовая торговля, сервисные и транспортные компании. Этот этап развития экономики можно сопоставить с включением в ИС предприятия таких систем, как CRM (системы управления отношениями с клиентами) и B2B (системы взаимодействия между организациями). Информационные технологии тоже являются услугой, и можно сказать, что ITSM (Information Technology Service Management) — это технология, характерная для постиндустриальной эпохи, эпохи формирования глобальной бизнес-среды и разделения труда на уровне предприятий.

От информационной экономики к экономике знаний

За постиндустриальной эпохой следует информационная эпоха, которую переживают сейчас большинство развитых стран мира. Именно в эту эпоху развитие ИТ и развитие экономики сошлись по времени, поскольку информационная эпоха невозможна без масштабного развития ИТ. Сутью этой эпохи является вовлечение в производство услуг самих клиентов — через самообслуживание. Такая метаморфоза в организации труда, когда клиент вовлекается в производство, возможна лишь в той мере, в какой сами услуги (или производство товаров) автоматизируются. К таким уже практически полностью информационным услугам можно отнести банковские услуги, электронные СМИ и книгоиздание, интернет-торговлю, сервисы фотопечати и коммуникации. Технологией организации производства в эту эпоху можно считать краудсорсинг, но только в широком смысле этого слова: за счет электронных технологий самообслуживания большую часть работы по оказанию себе услуг берет на себя само население.

В узком смысле слова краудсорсинг предполагает свободное участие большого числа людей с использованием ИКТ в некоей деятельности (голосовании, помощи государству, сборе средств и т. д.). Модерация и алгоритмизация сетевого участия населения накладывает ограничения и предполагает принятие на себя обязательств, однако позволяет существенно расширить сферу деятельности, что используется бизнесом. Типичными представителями информационной эпохи являются банки, телекоммуникационные компании, интернет-магазины. Информационная система таких предприятий должна включать в себя возможность участия в ней клиентов, партнеров или акционеров наравне с сотрудниками предприятия. С точки зрения ИТ информационная эпоха — это эпоха социальных сетей, интернет-кабинетов и интернет-магазинов, мобильных и облачных технологий.

Так же, как ни одна новая эпоха не отменяет предшествующую, а находит свою нишу, лишь уплотняя предыдущую эпоху подобно годовым кольцам дерева, так и технологии (инсорсинг, аутсорсинг и краудсорсинг), и программные продукты (ERP, CRM, B2B и т. д.) не отменяют, а дополняют друг друга. По мере развития от индустриального к информационному обществу многообразие ИТ, а следовательно, и их роль растет. А это значит, что роль ИТ будет выше на предприятиях, которые соответствуют более продвинутой

эпохе. На предприятиях, характерных для индустриальной эпохи, роль ИТ будет вспомогательной (системы цехового планирования, автоматизация управления ремонтом, финансовое планирование и учет и т.п.). В постиндустриальную эпоху (эпоху услуг) ИТ позволяют повысить эффективность бизнеса за счет внедрения систем управления бизнес-процессами, систем лояльности клиентов, систем взаимоотношениями с партнерами. Для предприятий информационной эпохи информационные технологии становятся уже частью самого бизнеса, вовлекая клиентов и партнеров в самообслуживание.

Однако информационная эпоха — не последний этап развития экономики. Уже сейчас (особенно в отдельных передовых странах) можно наблюдать развитие новой формации — общества знаний, или смарт-общества («умного» общества). Доля знаний в производстве возрастает настолько, что интеллектуальный труд формирует уже большую часть себестоимости товаров и услуг. К таким «знаниевым» товарам и услугам можно отнести высокотехнологичные товары электроники, программное обеспечение, средства коммуникации, образовательные и исследовательские услуги.

Уникальность этой эпохи заключается в том, что знание, в отличие от обычных товаров, эластично и может тиражироваться (продаваться) и потребляться сколько угодно раз, что противоречит традиционным рыночным отношениям. Элементы эластичности экономики начали проявляться еще на заре информационной эпохи: средства массовой информации, киноиндустрия, шоу-бизнес могут приносить и приносят сверхприбыли за счет многократного расширения аудитории. Однако, хотя информация, как и знание, может легко тиражироваться, обычно она потребляется однократно, что не позволяет получить длительных конкурентных преимуществ. Новоявленные же гиганты экономики знаний — компании Microsoft, Apple, Google, Facebook и др. — получают астрономические суперприбыли и космические скорости роста именно за счет того, что знаниевые продукты могут тиражироваться в любых количествах практически без увеличения себестоимости и потребляться достаточно долго, чтобы сформировать целую индустрию знаний.

Стоит отметить, что и традиционные отрасли индустриальной эпохи по мере внедрения в них высоких технологий тоже приобретают элементы эластичности. Это хорошо иллюстрирует использование новых технологий добычи в нефтегазовой отрасли, которые на этапе их внедрения мало влияли на прибыли в силу их высокой стоимости, но по мере тиражирования и снижения себестоимости они опрокинули энергетический рынок резким снижением стоимости нефти в конце 2014 — начале 2015 г. Можно сказать, что по мере увеличения наукоемкости всех отраслей экономика будет становиться все более волатильной, и это потребует существенного усиления регулирования со стороны государств и межгосударственных институтов.

Еще одной особенностью знания как ресурса является его неотделимость от человека. В отличие от традиционной экономики, в которой отчуждение (экспроприация) средств производства является основным мотивом как для владельцев капитала, так и для наемных работников, компании, работающие в области создания и использования знаний, вынуждены мотивировать сотрудников особыми творческими условиями труда, максимально

вовлекая их в управление. В научной деятельности, которая является аналогом производства в экономике знаний, еще с давних времен мотивацией ученого являлась не столько зарплата, сколько оценка достижений коллегами и возможность творческой самореализации. Такая же мотивация становится основной и для инновационного бизнеса (аналога сбытовой деятельности в эпоху знаний).

В прошлые эпохи предприятия жестко защищали свои инновационные достижения с использованием механизмов авторского права, на много лет вперед обеспечивая себе конкурентные преимущества. В эпоху знаний инновации буквально витают в воздухе, и их интеллектуальная защита становится все менее эффективной, о чем свидетельствуют многочисленные судебные тяжбы между мировыми технологическими лидерами. В таких условиях конкурентоспособность может обеспечиваться лишь непрерывной генерацией инновацией, созданием соответствующей инновационной среды. Фактически технологические лидеры современности соревнуются в скорости создания инноваций, скупая по всему миру идеи и группы инноваторов. Информационные технологии, которые раньше были призваны автоматизировать бизнес-процессы, становятся необходимым элементом создания систем управления знанием на предприятиях.

Соотношение отраслей экономики, эпох развития общества и ИТ

Отрасли экономики формально можно отнести к той или иной эпохе (выше мы говорили об отраслях, являющихся характерными для каждой эпохи). Например, к индустриальной эпохе, помимо промышленного производства, можно отнести сельское хозяйство (современное сельское хозяйство во многом похоже на промышленное производство), добывающие отрасли. К постиндустриальной эпохе, помимо торговли, логистики и транспорта, можно отнести также энергетику и строительство, т. е. отрасли, обеспечивающие развитие экономики. К информационной эпохе, помимо информационно-коммуникационной индустрии и финансовой отрасли, следует причислить отрасли, связанные с развлечением и туризмом. К эпохе знаний — науку, образование и профессиональные сервисы (включая управление). К этой же эпохе можно отнести здравоохранение и социальное обеспечение, уровень развития которых характеризует степень развития общества знаний. В таблице 1 представлено соответствие между отраслями экономики в разные эпохи (приведены англоязычные названия отраслей, по которым ведется статистика департаментом финансов США).

Конечно, такое разделение отраслей по эпохам очень условно. Образование, торговля и транспорт, да и почти все (кроме разве что информационных отраслей) существовали в той или иной форме во все эпохи, включая доиндустриальную. Но роль каждой отрасли в экономике меняется, делая ее на какое-то время наиболее востребованной. Применив предложенную классификацию к экономике США (использовались те же данные финансового департамента, что и выше), можно наглядно увидеть смену экономических эпох. На рисунке 2 представлены графики изменения добавленной стоимости

в экономике США по отраслям, конституирующим соответствующие эпохи, с 1947 по 2014 г.

Нетрудно заметить, что в 60-е годы прошлого столетия отрасли, относящиеся к постиндустриальной эпохе (пунктирная линия), по объему добавленной стоимости превзошли отрасли индустриальной эпохи (сплошная линия). А в начале текущего тысячелетия объем добавленной стоимости отраслей информационной эпохи (штрихпунктирная линия) сравнялся с объемом добавленной стоимости отраслей постиндустриальной эпохи. Время, когда совокупная добавленная стоимость отраслей той или иной эпохи превышает аналогичную величину отраслей предыдущей эпохи, можно считать временем начала новой эпохи. На рисунке показана суммарная величина отраслей эпохи знаний (точечная линия), рост которой превышает все другие отрасли. Если построить экспоненциальные тренды кривых информационной эпохи и общества знаний, станет очевидным, что вклад отраслей знаний в увеличение стоимости экономики США сравняется с отраслями информационной эпохи уже к началу 40-х годов текущего столетия. Можно сказать, что именно в это время в США будет построено общество знаний.

Каждая из отраслей, как и эпоха в целом, имеет максимум своего развития, когда доля добавленной стоимости отрасли в экономике максимальна. Например, максимум отрасли коммунального хозяйства и энергетики в США пришелся на 1970—1980-е годы, а отрасль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включающая в себя производство массовой информации и программного обеспечения, а также услуги коммуникаций и процессинга данных (без услуг разработки информационных систем), достигла максимума к началу нового тысячелетия (рис. 3). Сравнение именно этих двух отраслей (Information и Utilities) приведено неслучайно: оно позволяет понять известный тезис Николаса Карра [7] о начале заката ИТ по аналогии со снижением роли энергетики в бизнесе. В начале нынешнего века Карр увидел, что

Отрасли экономики	Их наименование в США	Характерная эпоха
Производство, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых	Agriculture, forestry, fishing, and hunting; Mining; Manufacturing	Индустриальная
Торговля, строительство, энергетика и ЖКХ, транспорт и логистика, туризм и общественное питание, административные услуги и утилизация отходов	Utilities; Construction; Wholesale trade; Retail trade; Transportation and warehousing; Administrative and waste management services; Accommodation and food services; Other services, except government	Постиндустриальная
Информация (издательский, звукозаписывающий и кинематографический бизнес, вещание и телекоммуникации, интернет), финансы и страхование, операции с недвижимостью и лизинг	Information; Finance, insurance, real estate, rental, and leasing; Arts, entertainment, and recreation	Информационная
Профессиональные, научные и технические услуги; управление предприятиями и организациями; здравоохранение и социальное обеспечение	Professional, scientific, and technical services; Management of companies and enterprises; Educational services; Health care and social assistance	Эпоха знаний

Табл. 1. Соответствие отраслей экономики разным эпохам в развитии общества

ИКТ-индустрия, как производство информационных продуктов, достигло максимума, а значит, предстоит ее сокращение. Однако, снижение доли ИКТ как индустрии в создании добавленной стоимости не уменьшает роль ИТ как профессиональных услуг в развитии экономики. Наоборот, со сменой эпох

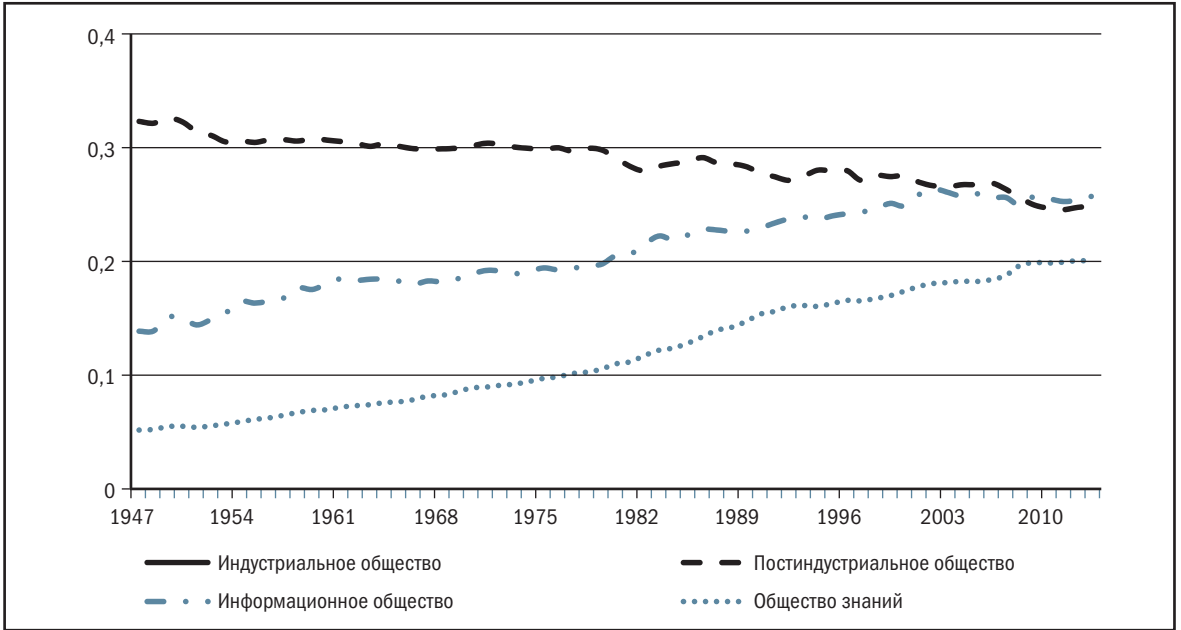

Рис. 2. Изменение долей добавленной стоимости по отраслям США

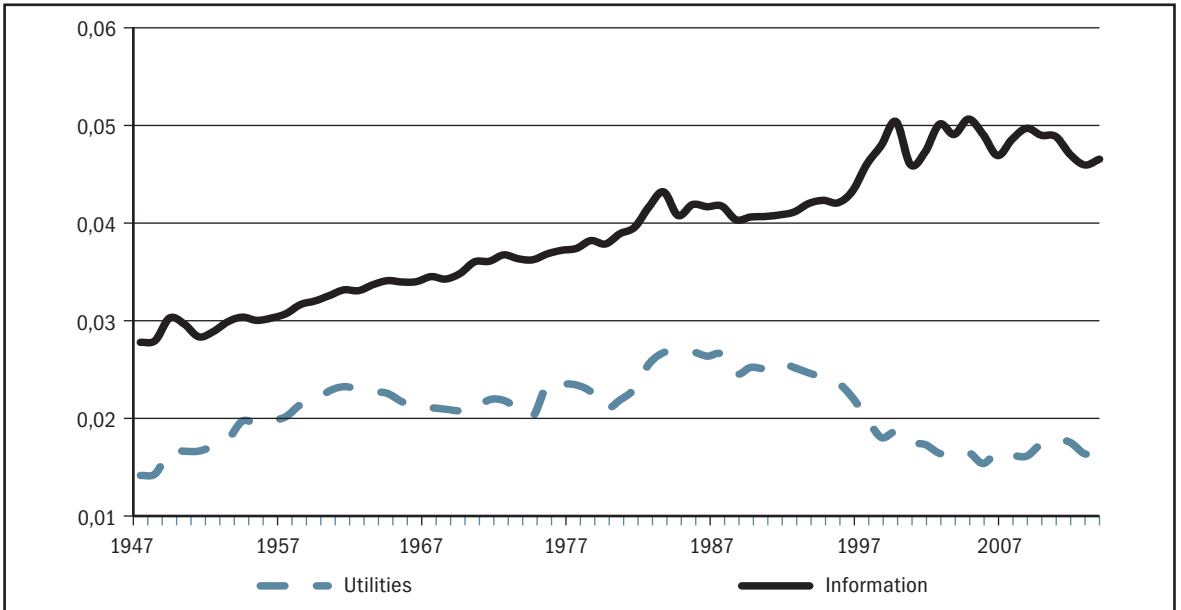

Рис. 3. Изменение долей добавленной стоимости по отраслям в США

(от информационного общества к обществу знаний) роль ИТ только возрастет за счет добавления новых инструментов — систем управления знаниями, идеями и компетенциями.

Предложенная схема периодизации технологических эпох позволяет понять, почему возрастает востребованность информационных технологий. Каждая эпоха характеризуется уникальной технологией (инсорсинг, аутсорсинг, краудсорсинг, инсорсинг [8]) и соответствующим этой технологии объектом управления (ресурсы, услуги, информация и знание). А поскольку технологии и объекты управления не исчезают со сменой эпох, то и ИТ, которые использовались в предыдущие эпохи остаются и дополняются новыми. В таблице 2 приведены ИТ-решения, которые можно считать типичными для разных эпох, причем решения для предприятий отраслей предыдущей эпохи будут востребованы и на предприятиях, относящихся к отраслям следующих эпох. Расширение палитры ИТ-решений с развитием экономики подтверждает тезис о возрастании роли ИТ.

Возрастание роли ИТ на предприятиях ведет и к увеличению роли руководителя ИТ-службы (CIO). Если на производстве менеджер по ИТ редко входит в правление предприятия, то в постиндустриальную эпоху ИТ-руководитель, как правило, входит в топменеджмент, а на предприятиях информационной эпохи (банки, телеком) он является одним из основных менеджеров. На предприятиях, относящихся к информационной и знаниевой эпохе, роль CIO часто берет на себя сам генеральный директор (ректор) [9].

* * *

Предложенная в работе периодизация эпох и связанная с ней классификация ИТ-систем и уровней зрелости управления ИТ позволяет понять специфику отраслей экономики с точки зрения использования информационных технологий. Конечно же, ландшафт ИТ будет зависеть не только от принадлежности предприятия к отрасли, но и от его масштабов, территориальной распределенности, стратегии развития и т. д. Однако понимание взаимосвязи роли ИТ, отраслей экономики и их вклада в экономику позволяет лучше позиционировать использование тех или иных инструментов для автоматизации

Отрасли	Объект управления	ИТ-системы, необходимые для управления предприятием
индустриальной эпохи	Ресурсы	MRP, ERP, MES
постиндустриальной эпохи	Услуги	ERP; CRM, SCM, B2B, PPM
информационного общества	Информация	ERP; CRM, PPM; BI, CPM, PLM, социальные сети, интернет-технологии
эпохи знаний	Знания	ERP; CRM, BI, CPM, системы управления знаниями, идеями и компетенциями

Табл. 2. Соотношение эпох развития общества, отраслей экономики, ИТ-инструментов и объекта управления ИТ на предприятии
MES — Manufacturing Execution System, ERP — Enterprise Resource Planning, MRP — Requirements Planning
CRM — Customer Relationship Management, SCM — Supply Chain Management, B2B — Business to Business, PPM — Project Portfolio Management, BI — Business Intelligence, CPM — Corporate Performance Management, PLM — Product Lifecycle Management

деятельности предприятий, позволяет понять, почему с уменьшением доли ИТ в добавленной стоимости роль ИТ не только не снижается, но увеличивается. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что в ближайшем будущем наиболее востребованными среди ИТ будут системы управления знаниями и компетенциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. СЛАВИН Б. **Эпоха коллективного разума: О роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека.** М.: Ленанд, 2013.
2. БЕЛЛ Д. **Социальные рамки информационного общества** // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
3. КАСТЕЛЬС М. **Информационная эпоха: экономика, общество, культура.** М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
4. УЭБСТЕР Ф. **Теории информационного общества** / Под ред. Е. Л. Варгановой, пер. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной. М.: Аспект Пресс, 2004.
5. **Всемирный доклад Юнеско. К обществам знаний.** Париж: Юнеско, 2005.
6. АЛЕКСЕЕВА И. **Что такое общество знаний?** М.: Когито-Центр, 2009.
7. CARR N. **IT Doesn't Matter** // Harvard Business Review. 2003. May. P. 5–12.
8. СЛАВИН Б. **От краудсорсинга к ноосорсингу** // Открытые системы. 2012. № 1. С. 60–62.
9. АНШИНА М. Л., ВОЛЬПЯН Н. С., ОЛЕЙНИК А. И., СЛАВИН Б. Б. **Разработка нового профессионального стандарта «Менеджер по информационным технологиям»** // Качество. Инновации. Образование. 2014. № 2 (105). С. 36–41 / № 3. С. 55–61.

Гуманитарные технологии в контексте информационной войны

Статья рекомендована Н.И. Кузнецовой 20.11.2015.

АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна

*Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН*

Аннотация

В условиях современных информационных войн широко применяются социогуманитарные технологии манипулятивного характера. Электронная культура предоставляет широкие возможности для активации архаичных мировоззренческих и поведенческих программ. Сознание «соскальзывает» с уровня системного мышления, достигнутого человечеством к середине XX века, на уровень мышления ассоциативно-картинного, освобождающегося от стремления к пониманию сути рассматриваемых явлений. Формирование современной метакультуры самосознания общества требует разработки технологий согласия, имеющих неманипулятивный характер, эффективно использующих возможности электронной коммуникации для улучшения положения дел в «реале».

Ключевые слова:

гуманитарные технологии, электронная культура, информационная война, архаизация сознания, интеллектуальный суверенитет, метакультура самосознания, неманипулятивные технологии, технологии согласия.

В первом выпуске журнала «Информационное общество» за 2014 г. главный редактор Т. В. Ершова писала об актуальности осмысления авторами журнала феномена информационной войны в условиях мирового политического кризиса. Развернувшаяся в российском информационном пространстве борьба между сторонниками и противниками «майдана», как справедливо отмечает главный редактор, имеет некоторое сходство с давней полемикой западников и славянофилов. Т. В. Ершова пишет: «Пolemика эта возродилась с новой силой, но только теперь в ее арсенале не страницы журналов, а вся мощь информационно-коммуникационных технологий, включая технологии ведения информационной войны» [1, с. 1]. Однако в данном контексте отнюдь не тривиальным выглядит вопрос о том, является ли технологизация информационных взаимодействий лишь внешним выражением неизменной сути обсуждаемых проблем или же меняет их суть и порождает новые сущности, определяющие в конечном счете стратегию и политику не только в виртуальном, но и в реальном пространстве. Ответ на этот вопрос, важный для самосознания информационной культуры и современной культуры вообще, во многом зависит от понимания возможностей и перспектив социогуманитарных технологий.

Г. Г. Почепцов характеризовал информационную войну как коммуникативную технологию воздействия на массовое сознание с целью внесения таких изменений в когнитивную структуру, которые позволяют получить соответствующие изменения в поведенческой структуре [2, с. 20]. Очевидно, что данная характеристика не может

претендовать на статус дефиниции хотя бы потому, что далеко не всякая коммуникативная технология воздействия на поведение людей путем влияния на их сознание относится к разряду информационно-военных. Вместе с тем эта характеристика полезна для понимания природы и особенностей информационных войн — понимания, которого невозможно достичь без должного внимания к информационно-психологическим («коммуникативным», в терминологии Г. Г. Почепцова) технологиям, используемым в информационных войнах и (или) специально создаваемых для их ведения. В книге Г. Г. Почепцова содержится материал, относящийся к информационным войнам в разных сферах — в коммерции и политике, в избирательных кампаниях внутри одного государства, а также между государствами и общественно-политическими системами.

К настоящему времени российское научное и экспертное сообщество располагает ценными работами, относящимися к осмыслению информационной войны именно как межгосударственного противоборства. Речь в данном случае идет о сложном многоаспектном явлении, имеющем наряду с информационно-техническими важными информационно-психологические составляющие. Информационная война в таком смысле определяется как «противоборство между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической и социальной систем другого государства, а также массовой обработки населения и дестабилизации общества» [3, с. 304]. В условиях, когда основные усилия и ресурсы сосредоточены на информационно-технических проблемах, связанных с проведением киберопераций и защитой от них, информационно-психологические аспекты информационной войны нередко рассматриваются в качестве некоего «довеска», которому не придается серьезного значения. Например, разработанную в США концепцию «операций влияния» некоторые исследователи склонны выводить за рамки собственно информационной войны. А. В. Бедрицкий объясняет это обстоятельство тем, что проведение операций влияния базируется главным образом на достижениях социологии и психологии и не находится в столь сильной зависимости от технологических инноваций, как осуществление других видов информационных операций [4, с. 111].

М. Либицки, автор одного из первых получивших широкую известность исследований феномена информационной войны, пришел к выводу, что попытки специалистов разного профиля определить, что такое информационная война, напоминают известную притчу о слепых, каждый из которых хотел понять, что такое слон, ощупывая одну из частей тела животного. Полагая, что поиск целостного определения информационной войны — дело неперспективное, М. Либицки предложил различать отдельные формы информационной войны, в ряду которых находится и война психологическая. Особенность психологической войны в данном контексте этот автор видит в использовании информации главным образом против человеческого ума (use of information against the human mind), а не против компьютеров [5, р. 35]. Далее в рамках психологической войны выделяются операции против национальной воли (national will), против командования противника, против войск, а также культурные конфликты (автор использует выражения «cultural conflict», «cultural warfare» и немецкое слово «kulturkampf»).

Книга М. Либицки написана вскоре после первой войны США и их союзников против Ирака и в значительной мере представляет собой попытку осмысления опыта «войны в Заливе». Однако рассмотрение феномена информационной войны ведется здесь в достаточно широком контексте, содержащем и элементы исторической ретроспективы, и соображения общего характера, способствующие пониманию специфики «взгляда из США» на проблему информационных конфликтов, актуальную для XXI столетия. В частности, экспорт коммерческой информационной продукции (включая «культурную продукцию» Голливуда) выглядит с этих позиций не культурной экспансией, а законной торговой деятельностью, и попытки ограничения такого экспорта со стороны государств-импортеров воспринимаются как покушение на свободу торговли. По мнению М. Либицки, единственный вид культуры, который США целенаправленно и в явном виде стремятся распространить на другие страны — это политическая культура Соединенных Штатов [5, с. 47].

Поскольку реальные или мнимые успехи по внедрению элементов такой культуры официально оцениваются как способствующие выполнению миссии США на планете, закономерным выглядит некогда весьма удивившее российскую общественность высказывание президента США Дж. Буша об учрежденной его страной демократии в Ираке как примере для России. В 2006 г. на совместной с В. В. Путиным пресс-конференции в Санкт-Петербурге Дж. Буш заявил: «Я говорил о своем желании способствовать развитию демократии в различных странах мира, как было в Ираке, где есть свобода религии и свобода слова. Многие хотели бы, чтобы такая демократия была и в России» [6]. Закономерен ироничный ответ российского президента: «Нам бы не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке».

Следует подчеркнуть, что в случаях, когда речь идет о войне информационной, слово «война» употребляется в переносном смысле. Считается, что информационная война, где главным средством противоборства, как явствует уже из названия, является информация, существенно отличается от войны как таковой своим «бескровным» характером. Действительно, это не вооруженная борьба между государствами или социально-политическими группами внутри государств. Тем не менее, учитывая возможные последствия информационной войны, ее не случайно характеризуют как «бескровную, но смертельную».

Информационная война, которую вели США против Ирака в 1991 г., была частью «горячей» войны и во многом обеспечила успех последней. Однако информационная война может иметь место и в отсутствие собственно боевых действий. Сегодня многолетнюю «холодную войну» между СССР и США, окончившуюся распадом Советского Союза, многие авторы называют войной информационной, хотя в тот период этот термин еще не употреблялся.

С 2014 г. мы живем в условиях новой информационно-психологической войны, которая имеет весьма сложный характер и, несомненно, нуждается в объективном анализе и осмыслении. Если верить публичным заявлениям, можно подумать, что все социальные субъекты (индивидуальные или коллективные), имеющие отношение к информационной войне, стремятся лишь защитить себя от враждебной пропаганды, но сами никакой пропаганды не ведут, а всего лишь распространяют правдивую информацию, разъясняя

собственную позицию. Между тем межгосударственное противоборство в информационной сфере стало очевидным.

Еще сложнее обстоит дело с явлением, которое условно может быть названо гражданской информационной войной, или гражданским информационным противоборством. Т. В. Ершова права в том, что характер политических дискуссий в российском обществе дает основание говорить о наличии двух основных «лагерей», состоящих из приверженцев противоположных гражданских позиций. Вполне уместен в этих условиях и призыв к взаимному уважению, как и напоминание о непреходящем значении категорий добра и зла. Однако следует учитывать, что коммуникационные возможности информационного общества существенным образом влияют на наши представления о плохом и хорошем, а технологии воздействия на сознание давно уже освободились от подчинения императиву, предписывающему уважать человека.

Архаизация сознания в эпоху электронной культуры

Вслед за Л. В. Баяевой, можно охарактеризовать электронную культуру как совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях стремительного развития и распространения информационных технологий. Особенности электронной культуры связывают с цифровой формой представления, виртуальностью, свободой доступа, открытостью, дистанционностью, либеральностью, дескриптивностью, отсутствием жестких правил (за пределами собственно технических предписаний и ограничений), доминированием визуального над смысловым, инновационностью, технократизмом, высокой скоростью изменений [7]. Пониманию этого типа культуры способствует развиваемая В. С. Степиным концепция культуры как системы надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения. Такая система мыслится как содержащая в себе и реликтовые (устаревшие) программы, и современные, и новаторские. Последние представляют собой программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Общество должно создавать запас подобных «проектов», лишь малой части которых суждено осуществиться на деле: ведь значимость тех из них, которые будут претворены в жизнь, может оказаться огромной [8]. С этих позиций электронная культура видится не только как немислимая без программирования в узком смысле (создания компьютерных программ), но и как порождающая с беспрецедентной скоростью все новые и новые программы деятельности, поведения и общения людей. Однако статус подобных программ как программ культуры отнюдь не всегда является несомненным.

Латинское слово «cultura» означает возделывание, воспитание, развитие, почитание. Все эти значения так или иначе отражены в практике употребления слова «культура» в повседневной жизни и в трактовках культуры, развиваемых в рамках научных концепций. В быденном языке «культурный» применительно к человеку часто означает то же, что и «воспитанный», а культурное растение противопоставляется дикому, невозделанному. Культура предполагает наличие определенной традиции, однако в обществе, где

изменение ценится больше, чем постоянство, разрыв с традицией — больше, чем преемственность, весьма сложной становится проблема нахождения основ, позволяющих личности определять собственную линию поведения и способы оценки поведения других. Глобальное информационное пространство, сформированное благодаря электронным средствам коммуникации, позволяет массам людей расширять свои представления о допустимых и рекомендуемых формах поведения за счет знакомства (пусть поверхностного) с элементами самых разных культур и субкультур. Аудио-, видеопродукция и игровая индустрия вносят свой вклад в широкое распространение эстетизированных образцов поведения, формально признаваемого не только безнравственным, но и противоправным. Моральный релятивизм — представление об относительном характере любых этических норм и неправомерности выдвижения абсолютных моральных императивов — не является детищем XXI в., однако именно в современных условиях он стремительно расширяет сферу своего влияния и находит все новых приверженцев, причем за пределами узкого круга интеллектуалов. На этом фоне имеет основания суждение о том, что глобализация экономики и создание глобального информационного общества сопровождаются, скорее, разрушением ранее сложившихся культурных систем, чем формированием единой глобальной культуры.

Такого не могли предвидеть мыслители прошлого, верившие в прогресс культуры и нравственности. Показательна в данном отношении идея русского мыслителя В. С. Соловьева, сформулированная в конце XIX в. (то есть в эпоху, которая на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных средств выглядит глубокой древностью!), о нравственной подготовке человека к расширению его коммуникационных возможностей. Выделяя три основные формы организации общества — «родовую форму», «национально-государственный строй» и «всемирное общение жизни», философ рассматривал нравственное совершенствование человека и человечества как условие выхода за пределы предшествующей формы в последующую. «Всемирное общение жизни» было для В. С. Соловьева идеалом, связанным с установлением «действительного нравственного порядка», когда человечество природное преобразуется в человечество духовное [9]. Обращение к подобным идеям сегодня уместно и поучительно хотя бы потому, что побуждает задуматься о логике развития техники, открывающей новые возможности для реализации не только добрых начал, но и пороков человеческой природы. Очевидно, что сегодняшний вариант глобализации не является «всемирным общением жизни» в указанном смысле, поскольку достаточные для этого технические возможности не дополняются установлением всеобщих нравственных оснований.

Еще в 1970-х годах авторы доклада президенту Франции [10] предсказывали, что развитие информационно-коммуникационных технологий не оправдает надежд на объединение нации вокруг «огромного культурно однородного среднего класса». По мысли этих авторов, нарождающееся информационное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное, — это будет сложное общество культурных напряженностей и культурных конфликтов. Сегодня подобные прогнозы оправдываются. Они верны даже в отношении стран, избежавших

политических и экономических потрясений последнего десятилетия XX в.: оставив в прошлом классовую структуру, сочетавшую универсальную систему норм (тесно переплетенных с религиозными представлениями) с относительно автономными системами разных классов и социальных слоев, эти общества отнюдь не приблизились к состоянию «культурной однородности». Более того, отвергается сама правомерность стремления к подобному состоянию как к цели: ценностью провозглашается разнообразие, понимаемое как проявление свободы.

В России минувшего столетия дважды — после революции 1917 года, а затем в 1990-х годах, происходили радикальные экономические, политико-правовые и социальные изменения, закономерно сопровождавшиеся глубокой трансформацией культуры и нравственности. На смену сословному обществу Российской империи пришло советское общество, стремившееся к полному социальному равенству и почти достигшее его. Идея социальной однородности советского общества сочеталась с идеей единой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Причем именно социалистическая культура и социалистический общественный строй рассматривались как передовые, выгодно отличающиеся от капитализма с его моральным и общекультурным разложением. С крушением советской системы эти идеи утратили актуальность. Россию стали преподносить как страну, отставшую в развитии и стремящуюся вернуться в лоно «мировой цивилизации» в ее современном глобализаторском варианте.

Казалось, перенимая выработанные на «цивилизованном Западе» политические, экономические и культурные формы жизни, можно будет сэкономить творческие интеллектуальные усилия. К сожалению, образцы для подражания оказались далеко не несомненными. Примечательна в этом отношении идея мультикультурализма, активно пропагандировавшаяся в постсоветской России до тех пор, пока сами лидеры Евросоюза не признали провала этой политики в Западной Европе. Поощрение сосуществования в рамках одного общества множества форм жизнеустройства, не имеющих единой основы, которые прежде было принято относить к разным ступеням социального развития, а теперь объявленных всего лишь проявлением разнообразия, создало благоприятные условия для активации архаичных культурных программ. Используя социальные и технологические ресурсы «обществ толерантности», преодолев исторические ограничения и оторвавшись от своей исторической основы, архаичные формы обрели новых носителей в лице квазиполитических субъектов, демонстрирующих враждебность к современной цивилизации и жаждущих ее уничтожения.

Наступивший в 2014 г. кризис в отношениях Российской Федерации с лидерами «глобального общества» должен напомнить российским интеллектуалам о том, что их роль не сводится к пересаживанию заграничных идей на отечественную почву, но предполагает производство собственных новаторских культурных программ, поиск незаимствованных ответов на вызовы современности, выработку адекватных инструментов для осмысления быстро меняющегося мира. Речь в данном случае идет о современном интеллектуальном производстве, которое нельзя заменить возрождением архаики, обращением к западничеству и славянофильству, которое во многом представляет

собой проявление архаизации сознания, связанной со сломом советской культурной системы.

Западничество и славянофильство слишком прочно укоренены в реальности XIX в., когда Россия находилась на доиндустриальной стадии развития и значительная часть населения была неграмотна. Неудивительно, что слабость русской общественной мысли побуждала искать опоры то в культурно-политических формах «просвещенной Европы», то в традициях допетровской Руси, то в идеализированных образах славянского характера. В ходе этих поисков было сделано немало ценных находок, высказано много интересных мыслей, сохраняющих значение и сегодня. Но все же современное самосознание страны не может игнорировать изменений, происшедших в XX столетии. Речь идет прежде всего о создании в СССР мощного индустриального и научного комплекса, о формировании образовательной системы, достоинства которой признают даже яростные противники советского строя. Речь идет также о событиях накануне и о во время Второй мировой войны, обнаруживших неожиданную хрупкость европейской культуры, о выдвижении США на роль мирового лидера, о распаде Советского Союза и деиндустриализации постсоветского пространства, о великом переселении народов на евразийском и других континентах.

Современное национальное самосознание должно учитывать и вызовы нового века. Славянофильство с его постулатом о духовном единстве этнически близких народов — слабый помощник тем, кто хотел бы достичь такого единения в эпоху, когда сознание значительных групп населения формируется и переформируется посредством информационно-психологических технологий, широко использующих манипулятивные приемы. В этом контексте реанимация архаических представлений становится результатом и средством манипуляций. Так происходит, например, когда главам государств приписываются сверхъестественные свойства (положительные или отрицательные), а знатные персоны «медийной деревни» — независимо от рода занятий и образования — выступают экспертами то в области кулинарии, то международного права.

Не лишены оснований утверждения тех, кто говорит, что современное человечество оказалось в ситуации «посткультуры», возникшей в результате кризиса ценностно-нормативных оснований культурных систем. Когда-то считалось, что находиться вне сферы действия подобных норм могут только люди «мало обработанного ума», чье сознание в силу условий жизни осталось «неокультуренным». Однако сознание современного человека нельзя признать необработанным — напротив, оно подвергается излишне интенсивной обработке со стороны множества конкурирующих сил, результатом чего становится не недостаток культуры, а состояние «посткультуры» [11].

Интеллектуальный суверенитет и технологии согласия

В эпоху электронной культуры архаизация сознания проявляется, кроме прочего, в соскальзывании с уровня системного мышления, достигнутого человечеством к середине XX в., на уровень мышления ассоциативно-картиночного,

освобождающегося от стремления к пониманию сути явлений, объективности и логической непротиворечивости. На этом уровне создаются благоприятные условия для того, чтобы неизбежно имеющиеся в обществе различия во взглядах на его настоящее, прошлое и будущее перерастали в информационную войну между носителями этих взглядов. На этом фоне особое значение приобретает проблема интеллектуального суверенитета личности и общества [12], которой долгое время не уделялось надлежащего внимания. Между тем именно интеллектуальный суверенитет является важнейшим условием сохранения социальной субъектности в информационную эпоху.

Под суверенитетом принято понимать верховенство субъекта, его независимость от внешних сил, обстоятельств и лиц. Интеллектуальный суверенитет предполагает прежде всего право субъекта реализовывать возможности своего интеллекта, получая и самостоятельно добывая знания, оценивая поступающие сообщения как истинные, ложные, вероятные, представляющие интерес и т. д., используя релевантную информацию для принятия решений. Следует подчеркнуть, что суверенитет не тождествен произволу. Классический идеал интеллекта предписывает человеку подчинять свой разум требованиям достоверности и логической непротиворечивости, обуздывать страсти, затмевающие рассудок, избегать соблазнов и чрезмерного почтения к мнению авторитетов. Очевидно, что не существует и никогда не существовало абсолютного интеллектуального суверенитета — всегда есть границы, связанные с принятием на веру мнений других людей, восприятием результатов их интеллектуальной деятельности. Эти границы не устанавливаются четко и ясно, но в случае угрозы сужения привычных пределов (действительной или мнимой) возникают напряжения, побуждающие к осознанию значимости интеллектуальных возможностей и прав.

Важнейшим условием интеллектуального суверенитета современного общества является осознание им себя как сложной системы, осуществляющей коммуникацию с другими сложными системами. Используя подходы Ю. А. Шрейдера [13] и В. З. Когана [14] можно рассматривать процесс коммуникации сквозь призму изменений в «инфофондах» (т. е. информационных фондах) участников данного процесса. Инфофонд включает в себя совокупность информационных и интеллектуальных ресурсов, которыми располагает социальный субъект; при этом ресурсы рассматриваются как некоторое целостное образование и соотносятся с целями, ценностями и интересами их обладателя. Происходящие в процессе коммуникации изменения в различных слоях и секторах инфофонда охватывают изменения в знаниях субъекта об окружающей действительности и о себе самом, изменения в языке, на котором представлены эти знания, изменения в способностях коммуниканта воспринимать и аккумулировать сообщения. Принимая во внимание интересы, опыт и жизненные задачи субъекта, следует подчеркнуть значение изменений в тех слоях инфофонда, где определяются ценности, приоритеты и цели, механизмы достижения этих целей, процедуры согласования накопленных и вновь полученных концептуальных конструкций с данными опыта.

Подобные коммуникационные модели не предполагает неперменного равенства или равноправия участников. Например, равноправие заведомо отсутствует в коммуникации «учитель–ученик», протекающей в рамках

традиционного учебного процесса. Изменения инфофонда ученика гораздо больше зависят от информационных воздействий учителя (передающего знания, формирующего определенные навыки, стандарты поведения и ценности), чем изменения инфофонда последнего — от воздействий первого. Информация, получаемая учителем от ученика, пополняет копилку знаний об учащихся, побуждает учителя корректировать методику преподавания, но мало влияет на его знание предмета. Такого рода информационная зависимость предусмотрена заранее, установки педагогической этики предписывают использовать ее на благо ученика и возлагают на учителя серьезный груз ответственности.

Коммуникация крупных социумов, каковыми являются национальные общества, формально является равноправной. Однако порождаемые ею изменения в инфофондах участников значительно различаются по характеру, глубине и интенсивности. Перенесение правил, установок и ценностей, выполняющих организующую роль в инфофонде одного, более «сильного» социума, в другой, более «слабый», при определенных обстоятельствах может привести к дезорганизации последнего. К таким обстоятельствам относятся отсутствие адекватных механизмов интерпретации и условий реализации соответствующих установок, наличие в принимающем инфофонде блокирующих императивов и т.д. Информационное воздействие в этих случаях не является однонаправленным, однако существенно различается качество переносимой информации и характер ее «усвоения». Информация, поступающая от «слабого» коммуниканта к «сильному», помещается, как правило, в раздели инфофонда, аккумулирующие данные и факты, и укладывается в привычные концептуальные структуры. Прямого переноса концептов, установок и ценностей не происходит, однако со временем под влиянием информации, поступающей от «слабого» коммуниканта, в инфофонде «сильного» могут появляться новые концепты и цели. Существенно, что концептуальные элементы инфофонда не заимствуются у информационно «слабого» социума, а вырабатываются в рамках «сильного» с учетом его нового опыта и возможностей.

Реализация интеллектуального суверенитета отнюдь не сводится к охране инфофонда от нежелательных поступлений извне. Во-первых, необходимая коммуниканту семиотическая защита предполагает не блокирование информации, а адекватную ее квалификацию, аналитическое отношение к синкретическим информационным воздействиям. Во-вторых, защитные средства играют вспомогательную роль, обеспечивая условия для обогащения и обновления инфофонда субъекта за счет надежных данных, концептуальных структур и ценностных ориентиров, необходимых для эффективной организации опыта, адекватной постановки и решения задач. Все это предполагает как творческую деятельность субъекта в сфере собственного интеллектуального производства, так и участие во внешних процессах информационной коммуникации.

Постсоветская Россия в лице управленческих структур разного ранга (включая структуры высшего уровня) сознательно заняла позицию слабого коммуниканта во взаимодействии с крупными мировыми субъектами, прежде всего с США, странами Западной Европы и международными финансово-экономическими организациями, где эти страны занимают

доминирующее положение. Такая позиция представлялась выгодной, поскольку позволяла избежать затрат времени и средств на собственное производство интеллектуального обеспечения решений, импортируя готовые инструменты и инструкции по их применению. Вместе с тем сохраняющаяся со времен СССР уверенность в обладании мощными собственными ресурсами — не только природными, но и интеллектуальными — стала одним из важнейших факторов, определивших стремление России проводить независимую внешнюю и оборонную политику. События 2014 г. сделали очевидным противоречие между самосознанием государства и общества, с одной стороны, как интеллектуальной периферии, проводящей финансовую политику по рекомендациям МВФ и встраивающей научно-образовательный комплекс в матрицу Всемирного банка, с другой — как мощного независимого военно-политического субъекта, обладающего необходимым интеллектуальным ресурсом. Именно этот феномен «двойного самосознания» играет определяющую роль во внутрироссийском противоборстве, принимающем вид гражданской информационной войны.

Принято считать, что гражданская война может окончиться лишь победой одной из воюющих сторон. По счастью, это правило неприменимо к информационной гражданской войне. Здесь отнюдь не бесперспективными представляются усилия, направленные на поиск общих оснований в стратегиях враждующих сторон, объединение ресурсов для преодоления «раздвоенности самосознания» и обеспечения интеллектуального суверенитета общественно-государственной системы, необходимого для ее развития и успешного взаимодействия с другими системами. Уместно вести речь о формировании метакультуры общественного самосознания с применением современных гуманитарных технологий.

Следует иметь в виду, что гуманитарные, то есть использующие достижения гуманитарных наук и (или) сфокусированные на человеке, технологии отнюдь не всегда гуманны. В условиях информационной войны негуманные, прежде всего манипулятивные технологии эксплуатируются особенно активно, угрожая утратой социальной субъектности личностям, государствам и обществам. Следует согласиться с авторами, заявляющими о настоятельной потребности общества в использовании аргументационных технологий, основанных скорее на классических (преждевременно объявленных устаревшими) нормах и идеалах освоения человеком мира и взаимодействия людей, чем на псевдосовременных способах повышения эффективности манипуляций. Формирование соответствующей времени метакультуры самосознания общества требует разработки технологий согласия, в которых эффективно используются возможности электронной коммуникации без пренебрежения к реальной жизни, не отодвигаются на задний план вопросы истины и качества знания, поддерживается стремление общественной мысли к логической связности и системности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00248а.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЕРШОВА Т. В. **Информационная война и вечные ценности** // Информационное общество. 2014. № 1. С. 1.
2. ПОЧЕПЦОВ Г. Г. **Информационные войны**. М.: Релф-бук, К. Ваклер, 2000.
3. **Информационные вызовы национальной и международной безопасности** / Под общ. ред. А. В. Федорова, В. И. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001.
4. БЕДРИЦКИЙ А. В. **Информационная война: концепции и их реализация в США**. М.: РИСИ, 2008.
5. LIBICKI M. S. **What is information warfare?** Wash.: National defense univ., 1996.
6. **Встреча президентов России и США накануне саммита G8**. РИА Новости. 15.07.2006.
http://ria.ru/TREND/PUTIN_BUSH_STRELNA_140706/
7. БАЕВА Л. В. **Экзистенциальные риски информационной эпохи** // Информационное общество. 2013. № 3.
8. СТЕПИН В. С. **Цивилизация и культура**. СПб.: СПбГУП, 2011.
9. СОЛОВЬЕВ В. С. **Оправдание Добра. Основы нравственной философии**. М.: Алгоритм, 2012.
10. NORA S., MINC A. **The Computerisation of Society**. A Report to the President of France. Cambridge, L., 1980.
11. АЛЕКСЕЕВ А. П. **Культура аргументации в поскультурном контексте** // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2.
12. АЛЕКСЕЕВА И. Ю. **Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе** // Информационное общество. 2001. № 2.
13. ШРЕЙДЕР Ю. А. **Социокультурные и технико-экономические аспекты развития информационной среды** // Информатика и культура. Новосибирск: Наука, 1990.
14. КОГАН В. З. **Человек в потоке информации**. М.: Наука, 1981.

Парадоксы информационного общества

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 10.11.2015 г.

**ТУЗОВСКИЙ Иван
Дмитриевич**
*Кандидат культурологии,
научный сотрудник
Челябинской
государственной академии
культуры и искусств*

Аннотация

Статья посвящена выявлению социальных противоречий, вызванных процессами информатизации, которые обычно связывают со становлением информационного общества. Утверждается, что возникновение положительных обратных связей между процессами информатизации и дегуманизации современного общества служит причиной деформации первоначального проекта гуманистического информационного общества и формирования особого типа социальной структуры, который можно охарактеризовать как сакрально-информационное или квази-информационное общество.

Ключевые слова:

социальное противоречие, дезинформационное общество, квази-«информационное общество», информационная перегрузка, информационная зашумленность.

«Пророчество» об информационном обществе относится к рубежу 1960—1970-х годов. Холодная война и идеологическая конкуренция между советским и капиталистическим проектами потребовали от западных обществ выработки социальной концепции, которая могла бы стать адекватным ответом марксизму во всей полноте ее содержания — от историософии до конкретных социально-проектных идей. В условиях политического и идеологического плюрализма выработка такой концепции шла путем одновременно конкурентным и конвенциональным. В результате к концу 1980-х годов комплементарные идеи постиндустриализма и информационного общества становятся доминирующими в социальной науке, приобретают огромное количество сторонников и, пройдя определенного рода экономическое закрепление в 1990-х годах, утверждаются на международном уровне в виде сперва Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), а затем программных документов двух этапов Всемирного саммита по информационному обществу — в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.).

Альтернатив глобальному проекту «информационное общество» сегодня практически нет, а существующие носят либо маргинальный, либо утопический характер и вытеснены на периферию социального знания и политического действия. Вместе с тем следует признать, что в развитии современного общества наметился целый ряд противоречий, или *антиномий*, которые вызваны к жизни именно процессами тотальной информатизации. На ряд этих антиномий уже указывали российские и зарубежные авторы, причем взгляды некоторых из них (например, конструкт общество риска) стали солидными социологическими концепциями. Однако до сих пор не предпринимались попытки дать систематический обзор уже проявившихся в полной мере противоречий концепции информационного

общества. Между тем интегральная картина заставляет сомневаться в том, что современное общество можно признать информационным.

Парадокс дезинформационного общества. Развитие информационных технологий уже сегодня привело к тому, что манипулятивные практики использования социальной информации развиваются опережающими темпами по отношению к практикам добросовестного ее использования.

Россия находится не в первых рядах формирования того социального феномена, который именуется информационным обществом, однако далеко и не в последних, поэтому мы тоже испытываем повсеместное влияние практик социальной манипуляции — от рекламы и маркетинга до «большой политики». Достаточно открыть любое из современных российских СМИ, чтобы тут же столкнуться с такими словосочетаниями, как «информационная война», «проводники чьих-то интересов», «манипуляции сознанием» и прочая, прочая... Очевидно, что пропагандистские машины и России, и западного мира включены на полную мощность, информационная война — не социальный миф, а вполне реальный процесс. Однако мы вправе задать вопрос: способно ли долго существовать и нормально развиваться общество, в котором место коммуникации систематически занимает манипуляция?

В начале XXI столетия коммуникативисты и медиологи радостно приветствовали возникновение технологий Web 2.0. Пользователи получили возможность самостоятельно создавать контент интернет-страниц, без приобретения специальных технических знаний или найма соответствующих специалистов. В социальных медиа и гражданской журналистике, основанных на технологиях Web 2.0, апологеты информационного проекта увидели спасение от повторения ситуации превращения СМИ первой трети XX в. в инструмент пропаганды и поддерживающий фактор тоталитарных режимов. Сегодня приходится признать, что проект гуманизации СМИ путем предоставления новостных полномочий дилетантам не удался. С одной стороны, размывание авторства сообщения упрощает манипуляции им; с другой стороны, финансовые ресурсы государств и медийных корпораций по-прежнему позволяют не только успешно имитировать «гражданскую журналистику», но и прямо вмешиваться в как будто бы нормальное функционирование сетевой коммуникации. Временной лаг между возникновением «гражданской журналистики» и ее «утилизацией» традиционными СМИ и государственными органами пропаганды составил всего-то около десяти лет. Нельзя не выразить опасение, что в дальнейшем временной разрыв, во-первых, между очередной ИКТ-микрореволюцией (каковой был Web 2.0) и ее утилизацией государством и крупным бизнесом и, во-вторых, между созданием новых социальных технологий распространения объективных данных и разработкой инструментов конвертации этих данных в субъективные оценки (что, собственно, и составляет суть информационной манипуляции) будет только сокращаться.

Очевидная проблема заключается в том, что ни один из уровней системы образования не предполагает развития навыков критического анализа социальной информации, самостоятельного поиска и перекрестного анализа источников, их верификации и т. д. Кроме того, *информационная перегрузка*, рост информационной зашумленности современной цивилизации, о которых

пойдет речь ниже, формируют модель добровольного ограничения источников, которые реципиент информационных потоков считает референтными и которые вызывают доверие. В совокупности с развитыми демагогическими приемами, технологиями манипулирования сознанием и дезинформацией это превращает современное глобальное информационное пространство в глобальное пространство дезинформации.

Парадокс информационной перегрузки. Для процесса коммуникации ширина проводящего канала имеет значение только до того момента, пока не будет превышена реципиентная способность индивида. Современный человек оказался в ситуации, когда объемы поступающей информации превышают его сенсорные и когнитивные возможности. «Сетевые аборигены» выработали достаточно примитивную и ограниченно эффективную стратегию борьбы с информационной перегрузкой: в ситуации столкновения с избытком противоречивой информации люди выбирают группу источников, которые приобретают в их представлении сакральный статус и полное доверие. Одновременно с этим формируется тотальное недоверие к любому источнику, сообщаемую информацию, которая не согласуется с этой позицией.

Примет вполне реальной, а не придуманной У. Гибсоном в качестве киберпанковской «страшилки» информационной перегрузки множество:

- 1) рост популярности экстремистских и тоталитарных сект;
- 2) интернет-«дискуссии» относительно природы полезности строго вегетарианской диеты, патриотизма, предательства либералов, фальсификаций древней и новой истории и пр.;
- 3) распространение теорий заговоров о тайном мировом правительстве от древнеегипетских жреческих кланов, установивших власть при помощи библейского проекта (!) до соперничества кланов Ротшильдов и Рокфеллеров.

Повсюду человек стремится выбрать «точку опоры» и закрыть свое сознание для аргументов противной стороны, сузить круг интересов, отказаться от критического рассмотрения многоаспектности интересующих его проблем, от проверки сведений, изложенных в референтном информационном сообщении. Это свидетельство информационной перегрузки: в ситуации чрезмерного избытка внешних сигналов мы вынуждены настраивать собственный фильтр, отсекающий то, что мы определили как информационный «мусор». Но это делает нас еще более уязвимыми к технологиям социальных манипуляций. Проблема *любой* по характеру пропаганды заключается в том, что объект ее приложения теряет адекватный образ реальности и способности ее оценки.

Парадокс роста информационной зашумленности тесно связан с информационной перегрузкой. В условиях технологий Web 2.0 практически каждый обитатель глобального информационного пространства становится производителем контента различного качественного уровня. К сожалению, мы можем констатировать, что *массово* производится контент, который обладает сиюминутной и достаточно низкой полезностью, а участие пользователей в ретрансляции недостоверной информации позволяет говорить

о том, что значительный объем информационного пространства занят данными, обладающими отрицательной полезностью. Кроме того, в силу снижения информационной грамотности (о чем мы будем говорить далее) значительная часть пользователей не владеет навыками информационного поиска с использованием специального синтаксиса поисковых систем. Большинство пользователей не применяют операторы синтаксиса, и результаты поисковой выдачи, к которой они многократно обращаются в течение дня, *релевантны*, но *неpertинентны* для них. Массовое производство низкокачественного контента и ретрансляция контента, обладающего подчас отрицательной полезностью, отсутствие навыков сложного информационного поиска превращает информационное пространство в глобальную свалку. Наконец, само количество информации предполагает, что даже для высококвалифицированного специалиста, проводящего направленный поиск данных, предметно ограниченных его узкими интересами, значительный объем производимого коллегами высококачественного контента также становится информационным шумом.

Парадокс падения информационной грамотности. Развитие информационных технологий идет по линии увеличения комфортности информационной среды. Это делает ИКТ более доступными, снижает когнитивную высоту *информационного барьера*. Однако у медали есть и обратная сторона: в настоящее время уже сформировался социальный феномен, который можно обозначить как «фиктивная информационная грамотность». Пользователь уверенно использует некоторые программные продукты, однако его знания не были получены творческим путем «проб и ошибок», а «зазубрены», он не понимает общих принципов работы в информационной среде, его опыт работы с информационными технологиями носит частный и фрагментарный характер. В результате он не может экстраполировать свой опыт на иную программную среду, нетипичные ситуации вводят его в состояние фрустрации, он не способен справиться с нестандартными задачами.

Таким образом, развитие ИКТ приводит к снижению реальной информационной грамотности. Цифровой разрыв приобретает не географически-экономическую, а когнитивную природу.

Мне могут возразить: в начале информационного века информационная малограмотность все же лучше отсутствия навыков пользования ИКТ. Это возражение справедливо лишь отчасти.

Во-первых, информационная малограмотность делает пользователя уязвимым для разного рода манипулятивных технологий. Без понимания принципов работы глобальной сети, принципов ее социального устройства — а таковое есть! — он не может стать равноправным участником коммуникации, но лишь добровольным ретранслятором. В обществе информационно малограмотных людей так называемая сетевая коммуникация не имеет смысла, поскольку вместо прохождения сообщения по сети ответственных участников коммуникации имеет место распространение сигнала через сеть живых, но практически автоматических ретрансляторов, где центры сформировавшейся в виртуальном пространстве, но вполне реальной социальной сети имеют фактическое значение вершины иерархии, а периферия и многочисленные «тупики» — значение нижних этажей социально-коммуникативной иерархии.

Во-вторых, низкий уровень технической и программной грамотности пользователей при стремительном увеличении их количества приводит в том числе и к росту правонарушений — преступному доступу к информации, массовым мошенничествам и пр. Оценка уровня информационной грамотности студентов, обучающихся по специальностям социология, сервис и связи с общественностью позволяет констатировать, что по незнанию или пренебрежению многие правила информационной безопасности игнорируются более чем 50% челябинских студентов. На протяжении периода 2009—2015 гг. наметилась тенденция к ухудшению этой ситуации в связи с тотальным распространением мобильных компьютеров в формате планшетов и смартфонов (КПК и коммуникаторы предыдущих поколений не получили столь широкого распространения), обеспечению вирусной безопасности которых придается меньшее значение.

Нельзя согласиться с принципом «лучше информационная малограмотность, чем безграмотность» по одной простой причине. Границы информационной малограмотности начинаются там, где человек способен самостоятельно запустить компьютер и стать участником технически-опосредованной коммуникации. Полностью информационно безграмотный человек не является пользователем, а значит, он безвреден с точки зрения проекта информационного общества. Малограмотный пользователь несет потенциальную угрозу всем участникам сетевой коммуникации, просто потому, что он не заботится о собственной безопасности.

Малограмотность несет в себе как технические, так и гуманитарные угрозы (а не риски!), но совершенствование того, что именуется на компьютерном сленге *юзабилити*, приводит к снижению информационной грамотности. До сих пор мы уделяем в образовательных программах гораздо большее внимание технической, а не гуманитарной стороне информационной грамотности, связанной с отмеченным ранее парадоксом дезинформации. Какие школьные и вузовские дисциплины учат методам оценки достоверности источников информации? Какие курсы прививают навыки содержательной критики информационных сообщений? Парадоксально, но раньше эти обязанности выполняли дисциплины исторического и литературного цикла, где оценка обстоятельств возникновения источника, анализ и критика его содержания являются основой основ. Но в современном мире классические история и филология подвергнуты социальному ostracismu как непрактичные. Достижения этих наук профанируются как многочисленными псевдоучеными, так и вследствие низкого уровня подготовки специалистов — преподавателей и популяризаторов.

Парадокс информационных продуктов как предмета роскоши. Считается, что в современном обществе информация создает стоимость, однако на практике она создает лишь коридор для ценовых спекуляций. Невозможно адекватно оценить экономическую стоимость труда программиста или веб-дизайнера (современное общество лишь унаследовало общую проблему стоимости творческого труда — будь то труд ученого, скульптора или шамана).

Пусть невозможно адекватно оценить стоимость труда программиста, однако можно ввести в цену товара в рамках социальной конвенции графу

«информационный продукт» в качестве значительного положительного коэффициента. Информационный продукт всегда дорого стоит не потому, что требует больших реальных затрат на его разработку, а потому что он должен стоить дорого: ведь ученые, идеологи и практики социального строительства «информационного общества» уверяют нас в том, что «информация является главным ресурсом» информационного века.

Будем честны — такое свойство, скорее, характерно для предметов роскоши, нежели для ресурса, который обеспечивает функционирование всех социальных институтов и общества в целом, как о том заявляет позитивная теория постиндустриального/информационного общества. В конечном счете это противоречие приобретает фундаментальную природу антиномии рациональности общего, равного и бесплатного доступа и иррациональности «приватизации» наиболее значимой практической и теоретической информации. Информационный продукт, получающий статус предмета роскоши, становится источником формирования уже не цифрового, а вполне обычного экономического барьера для включения человека в глобальное информационное пространство.

Парадокс недооценки рисков: чем выше деструктивный потенциал человечества в аспекте технического и социального новаторства, тем менее эффективна упреждающая оценка соответствующих рисков. Мы не можем адекватно оценить даже эффективность системы экспертизы технической безопасности, поскольку в дело замешаны интересы крупнейших ТНК в IT-сфере. Налицо непрекращающаяся война исследований, доказывающих физиологическую и психологическую безвредность и, наоборот, вредность мобильной связи, активного и чрезмерного пользования компьютерными устройствами и т.д. Однако в сфере техники институты экспертизы и упреждающей оценки рисков существуют хоть в каком-то виде. Большинство же тревожных исследований социальных последствий информатизации носят диагностирующий и чрезвычайно запаздывающий характер. В редких случаях, когда превентивно-прогностическая социальная и культурная экспертиза инноваций, связанных с информационными технологиями, все же проводится, на исследования подобного рода навешиваются ярлыки деклинизма, антиутопических или эсхатологических ожиданий. Стандартным аргументом является приведение цитат из исторических источников, в которых содержатся рассуждения относительно падения нравственности, разрушения традиционных основ жизни социума, в связи с чем высказываются сомнения относительно существования реальной угрозы от сдвига системы ценностей в современном обществе. Однако такая аргументация является логически ошибочной, поскольку примитивная экстраполяция здесь основана на неполной индукции, которая в свою очередь основана на целенаправленной селекции фактов. Из того факта, что человечество неоднократно переживало кризисы, связанные с возникновением новых информационных технологий и справлялось с этими кризисами, никак не следует, что его адаптивный потенциал неисчерпаем.

Парадокс «экспертократии». По мере роста доступности информации, необходимой для участия в принятии решений и расширения возможностей ознакомления с ней любого из нас, все более востребованными

оказываются информационные посредники и все меньшее непосредственным и самостоятельным оказывается участие в решении общих задач отдельного человека, не рекрутированного в круг экспертов. Информационное общество создает возможности всеобщей прямой демократии, однако даже в гипотетическом случае ее реализации мы не уйдем от уже сформировавшейся ситуации, когда эксперты — *лидеры мнений, медийные персоны* — будут влиять на умонастроения подавляющего большинства.

Все это подводит нас к необходимости признать современное информационное (ли?) общество квазигуманистическим. Некоторые из тенденций, такие как парадоксы дезинформации, недооценка рисков и экспертократия, внушают серьезные опасения: очень вероятно, что в будущем нам предстоит столкнуться со все более изощренными и скрытыми вариантами тоталитаризма.

К сожалению, проект информационного общества, глобальная манифестация которого была осуществлена подписанием «Окинавской хартии...» 2000 г. [4], а затем на Всемирном саммите по информационному обществу в Женеве (2003 г.) [2 и 5] и Тунисе (2005 г.) [7 и 8], не предполагает радикального пересмотра политики в области информатизации. (Здесь нет никакой конспирологии, однако сложно было бы предполагать обратное, зная о преимущественно технократическом характере экспертного сообщества.) Однако осознание антиномий информатизации возлагает на научное сообщество ответственность за будущее развитие. Как это видится сегодня, проект информационного общества являлся наивной утопией, предполагавшей примитивные инструменты решения частных проблем (обеспечить всем членам общества большие возможности развития и экономического роста за счет информатизации всего и вся) и спонтанное решение глобальных проблем. Это доведенный до абсурда попперовский антиисторизм. Глобальные проблемы спонтанно разрешаются лишь наихудшим для человечества образом, а примитивные инструменты никогда не бывали эффективны в условиях сложных сообществ.

В поисках квази-«информационного общества». Вследствие обнаруженных теоретических, методологических и фактических противоречий концепции информационного общества и ряда его критериев можно заключить, что современное общество является квази-«информационным».

Сформулируем основные идеи этой гипотезы.

- Планетарное сообщество (человечество) пока что живет в условиях «мультиэры» — сосуществования на планете принципиально разных укладов, форм организации социума. По мере прогресса наиболее разных обществ количество слагаемых мультиэры только увеличивается, хотя, конечно, тенденция к определенной нивелировке различий между ними существует и специально поддерживается. Не стоит путать это с попытками сохранения экономического и политического разрыва между развитыми и развивающимися странами. С одной стороны, глобальная цивилизация пытается перестроить локальные отличающиеся от нее своим жизненным укладом, системой ценностей и мотивировок культуры, с другой — включить их в свою орбиту, но на определенной дистанции, в качестве своеобразных «ведомых».

- С точки зрения технической парадигмы, определяющей нашу повседневную жизнь, научные, образовательные, культурные практики, современность можно охарактеризовать как «цифровой век» (The Digital Ages). Индустриальная технология повлияла на мир, участвуя в формировании разных по экономическим и политическим критериям сообществ (капиталистические и этатистские, демократические и тоталитарные). Цифровые технологии тоже влияют на наш мир, однако, как представляется, экономические и политические критерии не вполне подходят для объяснения этого влияния. Необходим критерий практик создания, распространения и использования социальной информации.
- Наиболее развитые сообщества планеты существуют в условиях квази-«информационного общества» (далее — QIS). Подчеркнем два наиболее важных момента, связанных с этим определением:
 - префикс «квази» относится именно к общему термину «информационное общество». Это не квазиинформационное общество и не информационное квазиобщество. Это — квази-«информационное общество»;
 - «квази» не есть «псевдо»: квази — «нечто вроде»; псевдо — «ложное». QIS — это реально существующий социум, обладающий по своим основным признакам подобием информационному обществу, однако ни в настоящем, ни в будущем не конгруэнтный ему. Псевдоинформационное общество (PsIS) — «ложное информационное общество». О псевдоинформационном обществе можно говорить в случае попыток вписать в эту концепцию те сообщества, которые, обладая системообразующим средством коммуникации информационного общества — интернетом — и виртуальным комьюнити, не отвечают иным сущностно важным критериям.
- Современное общество является историческим наследником капиталистической стадии общественно-экономической формации, и хотя оно явным образом отличается от индустриального капитализма, степень отличий приблизительно соответствует разнице между ранним и развитым капитализмом, а не разнице между неолитом и капитализмом, в чем нас пытался убедить, например, Элвин Тоффлер. Поэтому читатель мог бы оказаться в некотором недоумении: почему социальные черты, присущие индустриальному капитализму, рассматриваются здесь как черты QIS? Да потому, что мировой экономический уклад по-прежнему остается капиталистическим, хотя это уже ни дикий капитализм эпохи возникновения марксизма, ни социально ответственный капитализм крупных корпораций периода борьбы Форда и Рузвельта. Я не одинок в своем мнении. Питер Друкер, определявший современность как посткапиталистическое общество, подчеркивал, что оно не является некапиталистическим. Мануэль Кастельс называл современность информациональным капитализмом. Ж. Аттали предвидит будущее, в котором корпорации

заменяют собой государства. Капитализм жив, это реальность квази-«информационного общества».

- Исторически уже существовали общества, которые могут быть признаны нами квази-«информационными». В частности, в монографии «Светлое завтра? Антиутопии футурологии и футурология антиутопий» [6] автор приводит краткий анализ эллинского социума классического периода, рассматривая его как вариант информационного общества. Сегодня я бы назвал его квази-«информационным обществом». Доктор исторических наук П. Б. Уваров в работе «Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции» замечает, что современная (инновационно-информационная, по его мнению) цивилизация родилась в эпоху Возрождения или, по крайней мере, барокко [9]. Мнение о том, что QIS — не уникальный для позднего модерна феномен, косвенно подтверждается тем, что его темпоральный статус принципиально не определен. Наблюдаются две противоположных тенденции:
 - 1) тенденция постоянного переноса сроков наступления подлинно информационного общества в будущее;
 - 2) тенденция поиска его предтеч (или социальных процессов, инициировавших его формирование) во все более далеком прошлом человечества.

Точки зрения о сверхдолгом модерне и отождествлении модерна с информационным обществом или одной из его стадий придерживается не только историк П. Б. Уваров, но и Э. Гидденс [1] — один из крупнейших социологов современности.

Конечно, можно заявить, что раз подлинного информационного общества никогда не существовало, то префикс «квази» не имеет смысла. Можно принять сложившуюся практику сетевой коммуникации и связанных с ней социальных отношений, институтов и глобальных процессов в качестве единственно верной точки отсчета, т.е. попросту научно «легитимизировать» то, что уже существует. Однако такой подход представляется в корне неверным.

Во-первых, он лишает человечество стимула к проектной деятельности, к попперовскому антиисторицизму и решению тех частных (но имеющих глобальное значение) проблем, которые порождены фактически спонтанно произошедшей информатизацией общества. Во-вторых, из того, что общества, лишённого указанных в статье парадоксов, еще не существовало, никак не следует то, что оно не состоится в дальнейшем. Фактически, это иллюстрация методологической проблемы неполной индукции в приложении к историософии и социологии: то, что все до сих пор встреченные нами лебеди были белыми, не означает, что черных лебедей не существует. А то, что подлинно информационное общество пока не состоялось, не означает, что мы не можем теоретически разработать его идеальный тип (а-ля Вебер) или гипотетическую модель, а затем оценивать многочисленные вариации современных сообществ, исходя из этих критериев. В-третьих, наличие указанных парадоксов не означает того, что высокоинформатизированный социум

дзинтегрирует и прекращает свое существование, но означает, что его развитие представляет собой череду не позитивных, меняющих реальность, а деструктивных кризисов. В ситуации, когда изменения распространяются в обществе едва ли не мгновенно, а значит, и непредвиденные отрицательные последствия приобретают такую же скорость распространения и глобальный масштаб, решение возникающих проблем по принципу стимул–реакция выходом из ситуации быть не может. Это возвращало бы нас к «во-первых» и закольцовывало аргументацию. Необходима модель информационного общества, лишённого парадоксов, которые, с одной стороны, порождены информатизацией, с другой — подвергают ее сомнению, иначе путь, которым мы следуем, может оказаться историческим тупиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГИДДЕНС Э. **Последствия современности**. М.: Издательская группа «Праксис», 2011.
2. **Декларация принципов. Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии** (Женева, 2003 г.). URL: http://www.ifapcom.ru/files/3-Deklaratsiya_printsipov_postr-infobschestva-Zheneva.doc. (Дата обращения: 1.09.2014).
3. ИНОЗЕМЦЕВ ВЛ. Л. **Очерки истории экономической общественной формации**. М.: Таурус, Век, 1996.
4. **Окинавская Хартия глобального информационного общества** / Пер. официальный. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Окинавская_Хартия_глобального_информационного_общества (Дата обращения: 1.09.2014).
5. **План действий** (Женева, 2003 г.). URL: http://www.ifapcom.ru/files/4-Plan_deistvii.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
6. ТУЗОВСКИЙ И. Д. **Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий**. Челябинск: ЧГАКИ, 2009.
7. **Тунисская программа для информационного общества** (Тунис, 2005 г.). URL: http://ifapcom.ru/files/1-Tunisskaya_programma_dlya_infobschestva.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
8. **Тунисское обязательство** (Тунис, 2005 г.). URL: http://ifapcom.ru/files/2-Tunisskoe_obyazatel_stvo.doc (Дата обращения: 1.09.2014).
9. УВАРОВ П. Б. **Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции**. М.: АИРО-XX, 2005.

Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации

Статья рекомендована И. Ю. Алексеевой 3.11.2015.

ЖЕЛНИН Антон Игоревич
Ассистент кафедры философии философско-социологического факультета Пермского национального исследовательского университета

Аннотация

Рассматривается информационный аспект цивилизационного кризиса. Утверждается, что информатизация имеет амбивалентное влияние на человека, что связано с избытком получаемой информации, результатом которого являются стресс, перегрузка психики и нарушение гомеостаза нервной системы. Делается вывод, что значительная часть психических и соматических заболеваний человека может быть вызвана воздействием информации. Главным выходом из ситуации видится не ограничение информационного потока, а совершенствование селективных технологий путем расширения элементов разумного планирования.

Ключевые слова:

антропологический кризис, социальное и биологическое, психика, информация, энтропия, информационный стресс, невротизация, астенизация, информационная патология, информационная экология, гомеостаз.

Современное общество сотрясают многообразные кризисы. В числе прочего это связано с тем, что в ходе его развития повышается неустойчивость и возрастают глобальные риски [1]. Кризисность, по всей видимости, является оборотной стороной прогресса, когда он приобретает экспоненциальный и турбулентный характер. А. Д. Панов и А. В. Турчин в связи с этим говорят об «уплотнении» кризисов по ходу прогресса цивилизации и наступлении своеобразного «кризиса кризисов», когда существующая модель роста должна быть заменена на фундаментально новую [2, 3].

Наиболее выраженной негативной тенденцией многие считают экологический кризис. Однако экологический кризис фиксирует нарушение только внешней коэволюции общества и природной среды. Как представляется, можно выделить более комплексный *социально-биологический кризис*, который описывает в том числе и *обострение внутреннего противоречия самой сущности человека*. Его причиной является рассогласование способов существования социального и биологического на определенном этапе эволюции социума. Человек, будучи социальным существом и развиваясь через подчинение себе сил природы, как биологический организм сохраняет в себе все основные биологические адаптационные программы и гомеостатические контуры, которые более стабильны, чем социальные условия. Следовательно, в определенный момент социальные процессы перестают соответствовать биологическим, и в результате происходит нарушение приспособительных механизмов. В современной ситуации это связано с транзитивным характером общества, его переходом в постиндустриальную стадию.

Одним из основных трендов постиндустриального общества является информатизация [4], которая становится главным

общественным ресурсом и продуктом. Экспансия новых технологий приводит к насыщению информацией не только сферы производства, но и бытовой жизнедеятельности. Именно информатизация лежит в основе общего ускорения цивилизационного прогресса [5]. Однако во взаимодействии различных по качеству предметов и явлений всегда наличествует триединый процесс обмена веществом, энергией и информацией [6, с. 139, 140], то есть следует признать, что информация по своей природе материальна, ее нельзя полностью отождествлять только со знаниями, сведениями, данными. Можно определить информацию как *меру упорядоченности и организации абстрактных материальных структур*. Близкое определение дает К. К. Колин, рассматривая информацию как «объективное свойство реальности, которое проявляется в неоднородности (асимметрии) распределения материи и энергии в пространстве и времени, в неравномерности протекания всех процессов» [7, с. 96]. Вместе с тем критерий асимметрии вторичен, так как он проистекает из разницы в степени упорядоченности. Можно сказать, что информация является зеркальной стороной сложности, которая представляет собой наиболее фундаментальное свойство мира.

Становление теории информации и сопровождающие этот процесс дискуссии показали недостаточность применения механистических определений информации (на основе энтропии, неопределенности, вероятности) применительно к социальной реальности, неправомочность игнорирования субъективного ее аспекта (смысла) [8]. Восприятие информации есть одна из первейших потребностей человека, обеспечивающих его выживание. А. Д. Еляков замечает: «Человек — существо информационное (Homo Informaticus), без генерирования и использования информации он превращается в обыкновенный физический предмет» [9, с. 38]. Имея высокоразвитую психику, человек поглощает информацию из внешнего мира, встраивает и аккумулирует ее в себе. Для него она всегда выступает как сплав объективного и субъективного, несет психологическую окраску и ценность, и именно поэтому человек уязвим с точки зрения потребления информации. По нашей гипотезе, информационное измерение является одним из ведущих в ситуации социально-биологического кризиса современной цивилизации.

Общеизвестный факт: по мере развития научно-технической революции происходит многократный рост объемов и скоростей передачи информации: «За 100 последних лет скорость передвижения увеличилась в 102 раз, связи в 107 раз, обработки информации в 106 раз» [10, с. 112]. С. Лем метафорично описывает это как ситуацию «взрыва мегабитовой бомбы», когда информация стремительно превращается в «эксформацию» [11, с. 49, 68]. И хотя он вкладывал в последний термин несколько другой смысл, его можно понимать так, что на нынешнем этапе происходит своеобразное «размыкание» информации в ходе формирования глобально взаимосвязанной инфосферы. По нашему мнению, лучше использовать не термин «информационный взрыв», а «информационная инфляция» [12]. Он фиксирует не только экспоненциальный рост объемов и скоростей, но и обесценение информации в условиях ее избытка, потерю ею качества избирательности и усиление эффектов симуляции.

Человек всегда имел дело с информацией, но только на современном этапе он сталкивается с информацией *per se*. Негативное влияние темпов

изменений на адаптивные способности человека было обосновано Э. Тоффлером в его знаменитой концепции футурошока [13]. Конкретные количественные данные свидетельствуют, что все большее число людей живут в состоянии информационной перегрузки [14]. Отмечается, что потоки информации уже превосходят совокупную способность усвоения ее людьми в 106 раз и что этот избыток образует «информационное загрязнение», которое «представляет собой основную угрозу психическому здоровью человека» [15, с. 409, 410].

Вместе с тем надо понимать, что деструктивен не столько рост количества информации как таковой, сколько ряд дисбалансов. Во-первых, информация порождает *изолированную нагрузку на психику*, сопровождаемую разгрузкой других систем организма ввиду их относительно слабого использования. Во-вторых, информация распределяется по сферам деятельности неравномерно, львиная доля ее аккумулируется в науке и сфере технологий, поэтому именно там негативные последствия переизбытка наиболее ощутимы: «Количество информации, которое можно передать по определенному каналу связи, ограничено. Наука представляет собой такой канал — канал, соединяющий цивилизацию с окружающим миром... наступает состояние, когда дальнейшее увеличение пропускной способности науки темпами, которые диктуются ростом количества информации, оказывается невозможным... Наука не может перейти этот барьер, не может справиться с обрушивающейся на нее лавиной информации» [16, с. 139]. В-третьих, дисбаланс проявляется в *неравномерном распределении нагрузки в рамках человеческой популяции*: большая ее часть падает на население развитого постиндустриального мира, в то время как жители периферийных стран мало затронуты процессом информатизации. Разные социальные общности тоже в разной мере подвержены информационным рискам: в большей мере они затрагивают молодежь ввиду ее высокой восприимчивости к новому [17].

Возникает вопрос: чем обусловлено комплексное негативное воздействие информации на человека? Это вытекает из самой ее природы: информация как мера организации обеспечивает интеграцию различных процессов в единое целое, обмен ею обеспечивает когерентность всех биологических процессов [18]. С. Лем в связи с этим отмечает: «Индивидуальное развитие — это сопоставление двух видов информации, внешней и внутренней. Так возникает фенотип организма» [16, с. 397]. А значит, онтогенез — это процесс постоянного взаимодействия наследственной информации и потока данных из среды; именно на этом строится современная эпигенетическая теория [19]. Достоверно показано, что организм достигает целостности преимущественно на уровне регуляции, когда работа нескольких органов объединена для достижения приспособительного результата (теория функциональных систем) [20]. Неотъемлемым этапом здесь является афферентный синтез, когда происходит интеграция восходящих возбуждений и на основе сопоставления всех данных организм как бы принимает поведенческое решение. Этот факт в психологическом аспекте фиксирует теория установки Д. Н. Узнадзе [21], в рамках которой утверждается, что для готовности субъекта к деятельности необходимо выработать целостное представление о конкретной ситуации, что возможно только путем синтеза разнородных данных.

Таким образом, следует признать, что информация играет существенную роль на всех этапах психической и физиологической жизни человека,

причем именно регулятивные системы (нервная и эндокринная) играют центральную роль в обеспечении целостности организма. Их работа скоординирована, но ведущей в данной паре оказывается нервная система как эволюционно более поздняя и функционально универсальная.

Высшая нервная деятельность демонстрирует максимальную значимость информационного компонента. Известно, что основным механизмом в ее деятельности является непрекращающийся процесс отмирания старых и формирования новых синапсов, обеспечивающих передачу сигналов между нейронами. Д. И. Дубровский отмечает в связи с этим, что физиология мозга представляет по своей сути работу системы нейродинамических кодов [22, с. 128, 129]. Однако, несмотря на колоссальную пластичность, нервная система нуждается в поддержании собственного гомеостаза. Одним из его главных механизмов является баланс процессов возбуждения и торможения (E/I balance). Именно со сбоем этого баланса предположительно связан целый ряд психических и поведенческих нарушений [23]. Один из амбивалентных эффектов современных технологий – получение информации в чистом виде, в то время как прежде человек получал ее постепенно, вычлняя ее из носителей. В этой ситуации возникает опасность усиления процессов возбуждения, что может нарушать баланс, привести к срыву нервной деятельности и активизации запредельного торможения, что в свою очередь создает условия для астенизации и невротизации [24].

Известный нейрофизиолог Т. Клингберг высказывает идею, что одним из главных адаптивных ограничений в работе мозга, вследствие которого он находится в состоянии перегрузки, является механизм памяти [25]. Поэтому, как полагают многие исследователи, можно выделить отдельный вид стресса – инфостресс [26]. Последний может порождаться отнюдь не только вследствие простого количественного увеличения получаемой информации. Серьезным дестабилизирующим фактором является, кроме того, резкое колебание информационного потока. А. Д. Еляков очертил парадокс, заключающийся в том, что избыток информации нередко оборачивается своей противоположностью – искусственным информационным дефицитом [7], поскольку в ситуации изобилия каналов данных, нередко противоречащих друг другу, психика как бы разрывается между ними и оказывается в состоянии дезориентации. С. Лем отмечает, что в подобной ситуации «происходит одновременное увеличение селективной информации и уменьшение структурной информации» [16, с. 393]. Рост информации лишь в одном аспекте разнообразия (селективности), по всей видимости, способствует вырождению информации в шум, усилению энтропийных эффектов. Энтропия же, будучи мерой неопределенности, всегда противостоит структуре.

Тот факт, что информация воспринимается сознанием, не означает ее полной дематериализации: она кодируется в связях нервной системы. Вместе с тем субъективное восприятие и оценка информации могут привести к изменению и даже сбою физиологических процессов. Восприятие дезориентирующего избытка информации или негативно окрашенной информации способно провоцировать стресс, который может спровоцировать биологический стресс, в котором эмоциональная компонента играет решающую роль [27]. Вместе с тем стресс, будучи неспецифической реакцией организма, в том случае, если

он принимает хроническую форму, вызывает целый каскад сбоев в функциональных регулирующих системах, что, в свою очередь, приводит к формированию органической патологии. Современная медицина отошла от механистического понимания патологии и перешла на интегративные позиции: «В информационно-интегративной концепции патологических процессов главное... это приоритет нарушения связей между элементами программной системы над повреждением самих элементов. Это связано с признанием существования патологии дезрегуляции или, по классической терминологии, — «безлокальных болезней». Достоинством данного подхода всегда было стремление избежать механистической трактовки болезни как простого локального полома или дефекта исполнительных механизмов организма. Как раз этот «нелокальный» аспект повреждения делает несостоятельным представление о болезнях отдельных тканей, органов, клеток... Болеет всегда организм как целое» [28, с. 7]. Это приводит к мысли, что психологический стресс ответственен не только за психосоматические заболевания, но и, по-видимому, за общую астенизацию организма и метаболические нарушения в нем. Информационный стресс имеет отягчающий характер, так как он способен нарушать гомеостаз сразу на нескольких уровнях, продуцируя широкую симптоматику, включая различные болевые синдромы [29].

Однако информация, несмотря на то, что она потребляется индивидуально, является коллективным ресурсом и продуктом. Поэтому она способна нарушать не только гомеостаз отдельных человеческих организмов, но и социума в целом. С. Лем указывает на то, что современная цивилизация переживает информационный кризис, связанный с перенасыщением научными знаниями: «Цивилизация в фазе информационного кризиса, уже обладающая доступом к таким связям с Природой, к таким источникам энергии, которые обеспечивают ее существование на миллионы лет, понимающая в то же время, что исчерпание информационного потенциала Природы невозможно, а продолжение прежней стратегии может привести к проигрышу (потому что непрерывное вторжение «в глубь Природы» приводит в конце концов к распаду наук из-за сверхспециализации и вследствие того к возможной потере контроля над собственным гомеостазом), — такая цивилизация может сконструировать совсем новый тип обратных связей, уже внутри себя» [16, с. 143, 144]. Действительно, информации производится на порядки больше, чем ее может усвоить существующее количество ученых или просто компетентных людей. Так как это ограничение тоже в определенном смысле детерминировано биопсихически, многие исследователи видят выход в формировании нового, искусственного, гомеостаза, который позволил бы цивилизации не существовать в гармоничной коэволюции с природой, а наоборот максимально отгородиться от нее [30].

На наш взгляд, эта точка зрения является не столько ложной, сколько избыточной. Конечно, цивилизация движется в сторону все большей автономии от природы с ее стихийностью и непредсказуемостью. Действует универсальная тенденция, обозначенная А. П. Назаретяном как «удаление от естества» [31]. Но эта цель может быть достигнута отнюдь не отгораживанием от природы, а, напротив, углублением познания, то есть расширением информационного канала. Нужно говорить не о пресечении этого канала, а о разработке селективных технологий, позволяющих более эффективно отбирать

информацию через ряд фильтров и оптимизировать ее усвоение. Другими словами, речь идет о формировании *информационной экологии* [32, 33].

А. Л. Ерёмин сформулировал ряд принципов последней. Приведем наиболее важные из них: 1) чрезмерное количество любой информации должно ограничиваться, дозироваться, в том числе специальными структурами и механизмами, 2) чрезмерность любой верной, но «отрицательной» информации вредна и должна компенсироваться «положительной», 3) для оптимизации восприятия информации необходимо достижение качественного соответствия между информацией и принимающими анализаторами, повышение ее качества, актуальности (силы, мощности) или расширение границ, снижение барьера, порога восприятия, 4) для оптимизации восприятия поступающей информации необходим информационный опыт, образованность, 5) с целью увеличения объемов передачи, восприятия, хранения информации возможно укрупнение квантов информации, ее оперативных единиц, изменение кодов, набора и алгоритмов сигналов, 6) с целью отбора ценной информации для хранения возможен ее ступенчатый отбор специализированными структурами и такими механизмами, как «запечатление информации», «кратковременное ее циркулирование» и «долговременное хранение», 7) завышенные ценности информации, длительное ее хранение и использование вредно, так как может способствовать информационному «застою», 8) с целью оптимальной работы аппарата информационной оценки необходима его регулярная стабилизация, повторный оценочный анализ информации [34].

Нетрудно заметить, что все эти принципы направлены на сбалансированное потребление информации через ее диверсификацию и специализацию. Это возможно только путем снижения стихийности информационных потоков и расширенного внедрения элементов планирования. По мнению М. Маклюэна, современные медиа являются «внешними расширениями» нервной системы [35], а точнее, его сенсорных компонентов. Разработка же технологий отбора будет означать совершенствование этих «расширений», чтобы они соответствовали центральному аппарату нервной системы, росту сознательности.

Правовое поле передачи информации тоже требует совершенствования. В. П. Талимончик справедливо отмечает, что «неисчезаемость информации при потреблении и ее сохранение у передающего субъекта не могут приравнять информацию к вещам. Она нуждается в особом правовом режиме» [36, с. 8]. Правовое регулирование информации может быть признано значимым компонентом поддержания информационного гомеостаза в обществе. Необходим целый ряд различных правовых режимов (в том числе ограничительных и запрещающих), так как информация гетерогенна, ее социальная ценность различна: «Правовое регулирование информации дифференцируется в зависимости от видов информации. Особенности правового регулирования информации связаны с действием принципа свободного, более широкого и сбалансированного распространения информации... Ограничения, установленные на универсальном, региональном и национальном уровнях, в значительной степени отличаются, поскольку информация имеет различную социальную ценность. Некоторые категории информации значимы для человечества в целом, некоторые — для нескольких государств, отдельная информация может иметь ценность только для одного государства либо отдельных

юридических и физических лиц» [36, с. 14, 15]. То есть и в данном случае необходимо внедрять механизм диверсификации.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на описанные негативные тенденции, не следует поддаваться алармистским настроениям в отношении информационного кризиса, который является не только риском и угрозой, но и вызовом и стимулом для последующего прогресса. Преодоление современного информационного кризиса позволит цивилизации выйти на новый виток развития и полностью освоить потенциал информации как всеобщего ресурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. BOSTROM N., CIRKOVIC M. M. (ED.). **Global catastrophic risks.** Oxford University Press, 2011.
2. ПАНОВ А. Д. **Сингулярная точка истории** // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 122–137.
3. ТУРЧИН А. В. **Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф** // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 156–163.
4. WEBSTER F. **Theories of the information society.** Routledge, 2014.
5. АБДЕЕВ Р. Ф. **Философия информационной цивилизации: Учебное пособие.** – М.: Владос, 1994.
6. ПРАНГИШВИЛИ И. В. **Системный подход и общесистемные закономерности.** М.: СИНТЕГ, 2000.
7. КОЛИН К. К. **Философские проблемы информатики.** М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.
8. ГЛИК ДЖ. **Информация: история, теория, поток.** М.: Corpus, 2014.
9. ЕЛЯКОВ А. Д. **Номо Informaticus и современная информационная среда** // Философия и общество. 2012. № 3. С. 38–59.
10. ЕЛЯКОВ А. Д. **Дефицит и избыток информации в современном социуме** // СоцИс. 2010. № 12. С. 107–114.
11. ЛЕМ С. **Молох.** М.: АСТ, Транзиткнига, 2005.
12. ЖЕЛНИН А. И. **Феномен социально-биологического кризиса: вариант сущностного объяснения** // В мире научных открытий. 2015. № 11,12. С. 5007–5026.
13. TOFFLER A. **Future shock.** Bantam Books, 1990.
14. ЕЛЯКОВ А. Д. **Информационная перегрузка людей** // СоцИс. 2005. № 5. С. 114–121.
15. ГОРШКОВ В. Г. **Физические и биологические основы устойчивости жизни.** М.: ВИНТИ, 1995.
16. ЛЕМ С. **СУММА ТЕХНОЛОГИИ.** М.: АСТ, 2002.
17. ЧУПРОВ В. И., ЗУБКОВ Ю. А., УИЛЬЯМС К. **Молодежь в обществе риска.** М.: Наука, 2003.
18. НАКЕН Н. **Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems.** Springer Science & Business Media, 2006.
19. GIBNEY E. R., NOLAN C. M. **Epigenetics and gene expression** // Heredity. 2010. V. 105. № 1. P. 4–13.
20. СУДАКОВ К. В. **Функциональные системы.** М.: Издательство РАН, 2011.
21. УЗНАДЗЕ Д. Н. **Психология установок.** СПб.: Питер, 2001.
22. ДУБРОВСКИЙ Д. И. **Сознание, мозг, искусственный интеллект.** М.: Стратегия-центр, 2007.
23. YIZHAR O. ET AL. **Neocortical excitation/inhibition balance in information processing and social dysfunction** // Nature. 2011. V. 477. № 7363. P. 171–178.
24. ЖЕЛНИН А. И. **Психический аспект современного социально-биологического кризиса: информационная доминанта** // European Social Science Journal. 2014. № 8. V. 3. P. 28–35.
25. KLINGBERG T. **The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory.** Oxford University Press, 2008.
26. БОДРОВ В. А. **Информационный стресс.** М.: Пер Сэ, 2000.
27. LOVALLO W. R. **Stress and health: Biological and psychological interactions.** Sage publications, 2005.
28. ЧУРИЛОВ Л. П. **О системном подходе в общей патологии: необходимость и принципы патоинформатики** // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 11: Медицина. 2009. Т. 11. С. 5–23.
29. CRISTEA A., RESTIAN A. **Clinical and experimental effects of informational stress** // Stress medicine. 1992. V. 8. № 4. P. 259–263.
30. KURZWEIL R. **The singularity is near: When humans transcend biology.** Penguin, 2005.
31. НАЗАРЕТЯН А. П. **Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса** // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 135–145.
32. BABIK W. **Sustainable development of information society: towards an ecology of information** // Geomatics and Environmental Engineering. 2008. V. 2. P. 13–24.
33. ERYOMIN A. L. **Information ecology – a viewpoint** // International Journal of Environmental Studies. 1998. V. 54. № 3–4. P. 241–253.
34. ЕРЕМИН А. Л. **Природа и физиология информационной экологии человека** // Экология человека. 2000. № 2. С. 55–60.
35. МАКЛЮЭН М. **Понимание Медиа: внешние расширения человека.** М.: Гиперборя; Кучково поле, 2007.
36. ТАЛИМОНЧИК В. П. **Международно-правовое регулирование отношений информационного обмена.** СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011.

Анализ механизмов влияния на политическое поведение поколения «Z»

Статья рекомендована С. Ф. Гребениченко 3.10.2015.

ЧИЖОВ Дмитрий Вячеславович
Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГУ им. М.А. Шолохова, доцент факультета политологии ГАУГН

Аннотация

В статье проводится идентификация и определение особенностей политических взглядов цифрового поколения «Z», осуществляется анализ механизмов влияния на политическое поведение интернет-поколения, рассматриваются особенности политической коммуникации с представителями поколения Z.

Ключевые слова:

поколение «Z», интернет-коммуникации, политическая коммуникация, коммуникационные инструменты, социальные сети.

Появление интернета, в корне перевернувшее жизнь человечества в конце XX века, привело к появлению нового поколения, уже не представляющего жизни вне глобальной сети и информационных технологий. За этим поколением закрепился термин Generation Z — поколение Z, наряду с терминами поколение M, сетевое поколение и интернет-поколение, подчеркивающий ключевое отличие данного поколения от предшествующих. Уже сейчас в России к «зетам» относится около 25 млн человек, т.е. в ближайшие несколько лет, по мере постепенного «вымывания» пожилого электората, они станут одной из самых влиятельных электоральных групп. Ведущие политические силы, в первую очередь политические партии, должны будут выстраивать долгие и прочные отношения с представителями этого поколения.

Поколение «Z»: попытка идентификации

В десятые годы XXI в. все больше представителей поколения Z начинают интересоваться политикой и играть заметную роль в жизнедеятельности различных институтов гражданского общества. Политическое поведение граждан — одна из самых популярных тем прикладных социологических исследований, что обусловлено выборностью ключевых политических органов власти и, как следствие, постоянно возрастающей зависимостью исхода выборов от мнения интернет-поколения.

В западной научной литературе представители поколения Z традиционно рассматриваются как дети так называемого поколения X (этот модный термин применяется в демографии, общественных науках, маркетинге и прочих сферах по отношению к людям, родившимся с 1965 по 1979 г.). Впервые определение «поколение X» использовала в 1964 г. британская журналистка Джейн Деверсон, затем канадский писатель Дуглас Коупленд, и оно вошло в массовый обиход. Чтобы обозначить группу людей, существенно отличающихся

от поколения X и во многом являющегося их антагонистами, был предложен термин «поколение Y».

В американской традиции годом рождения поколения Z называют 1991, хотя в ряде источников указываются более поздние даты (2001 г. и позднее). Первая дата была выбрана как момент создания интернета, вторая — как момент окончательного вхождения интернета практически во все сферы жизни человека. Рисунок 1 отражает основные вехи взросления представителей этих трех поколений в СССР и России.

Если родители детей, принадлежащих к поколению Z, еще застали множество форм неэлектронной коммуникации (например, обычная почта с рукописными письмами), то представители поколения Z связаны между собой почти исключительно благодаря таким вещам, как интернет, смартфоны, YouTube и Skype, Facebook и Instagram. Ряд исследователей называют представителей поколения Z англоязычным термином «Digital Native» — «цифровой абориген».

Разные исследователи выделяют около трех десятков специфических черт, присущих новому поколению. Основываясь на социологических исследованиях, можно выделить следующие его основные характеристики.

- Это поколение активных потребителей цифровых технологий, в то же время слабо представляющее себе их техническую суть и плохо разбирающееся в принципах их работы. Некоторые эксперты называют поколение Z «цифровыми аборигенами» и серьезно озабочены

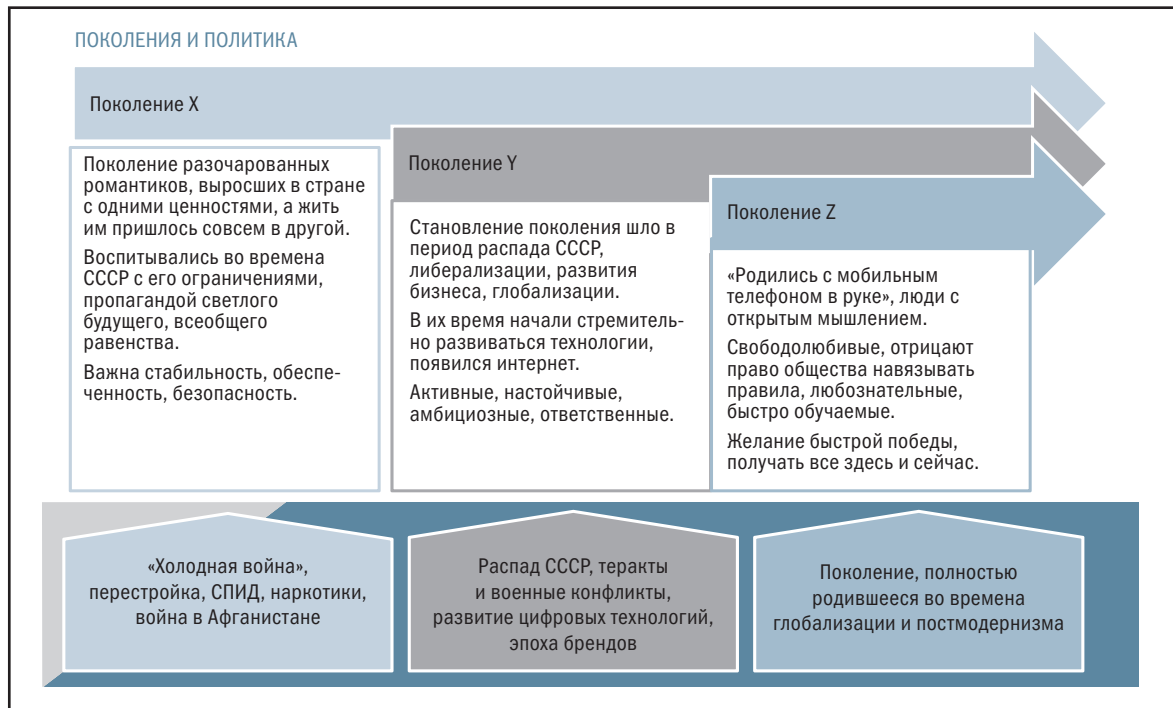

Рис. 1. Взаимосвязь поколений X, Y, Z в СССР и России

надвигающимся дефицитом изобретателей и новаторов, обусловленным повсеместным развитием культуры «бездумного потребления».

- Представители этого поколения крайне редко сталкивались с болью, страданиями и лишениями, с голодом и отсутствием крыши над головой. Поэтому им гораздо труднее, чем предыдущим поколениям, переносить жизненные трудности. Представители поколения Z вырастают еще более чувствительными и пессимистически настроенными, чем представители поколения Y, которым приписывались эти качества.
- Характерная черта поколения Z — нигилизм в его современной форме, связанный с культом интернета, где в принципе отсутствует формальная иерархия и отношения подчиненности. Лидеры и авторитеты для представителей поколения Z нередко являются лишь условностью. Представители нового поколения не воспринимают критики по принципу, что кто-то делает что-то лучше, чем они. Девиз поколения Z — «Я это я, и никакие сравнения неуместны». Индивидуализм становится образом бытия, который защищается личностной автономией, способом взаимодействия с другими людьми. Уникальность становится главной ценностью и товаром, участвующим в различных формах общественного обмена, в том числе в политической жизни.
- В связи с индивидуализацией претерпевает изменения и жизненное пространство. Для поколения Z место обитания — это не какая-то географическая точка, а мир, в котором представитель Z является полноправным «творцом», «демиургом», насколько этот термин уместен в данной трактовке. Этот мир во многом формируется за счет виртуального пространства, связывается с реальностью через множество безопасных социальных сетей и, что немаловажно, предоставляет право на инфантильность. При желании представитель поколения Z может легко оградить свой мир от вмешательства политики, обязательных к прочтению книг, законов и формальностей, которые нужно соблюдать. Все это как бы составляет их личную, индивидуальную реальность, в которой они существуют так, как им удобно.
- Сильные качества представителей поколения Z связаны с креативностью и скоростью принятия решений. Этих людей привлекает эпатаж, нестандартные идеи, яркие проекты, подчеркивающие их индивидуальность и уникальность. Интересный пример: в 2008 г. социологи зафиксировали, что «мир перестал танцевать под одну мелодию»: 26 февраля 2008 г. состоялся последний концерт Spice Girls в рамках мирового тура, когда пришлось отменить выступления в Австралии, Китае, ЮАР и Аргентине. Тем самым прервалась традиция лидирующей мировой музыкальной группы или исполнителя.
- Любимые жанры и форматы поколения Z: мини-новости, твиты и статусы в социальных сетях, ограниченные 140—250 символами. Образ

мыслей нередко называют фрагментарным и поверхностным. Потребление контента, относящегося к крупным формам, для них становится серьезным испытанием, на которое они готовы идти лишь в случае решения жизненно важных задач, при отсутствии разумных альтернатив.

- Школьники и студенты поколения Z учатся иначе, нежели их предшественники. По данным зарубежных исследований¹, лишь 16% отмечают книги в качестве приоритетного источника учебной информации, тогда как 43% учатся с помощью интернета, а 38% сочетают интернет с чтением книг. Это приводит к тому, что представители поколения Z лучше воспринимают относительно краткие по форме сообщения, для них мало приемлемы пространственные монологи лекторов, как и крупные художественные формы.
- Поколение Z — это поколение домоседов, сформировавшееся под воздействием феномена сверхопеки родителей, который возник в 1990-е годы как «страх перед улицей». Отчасти этот синдром обусловлен постепенным исчезновением дворов в прежнем смысле этого слова, как центров социальной жизни. В мегаполисах наподобие Москвы, Санкт-Петербурга или Екатеринбурга дворы начали исчезать на фоне доминирования высокоэтажного панельного домостроения, когда стало невозможным формировать уютное замкнутое пространство.
- Смещение доминирующего способа времяпрепровождения с уличного на домашнее привело к распространению массового домашнего обучения — как школьным дисциплинам, так и не связанным напрямую со школой предметам по принципу «модульного конструктора», т. е. путем отбора только того, что кажется нужным и интересным в данный момент. По оценкам специалистов, представители поколения Z к 17 годам нарабатывают около 30 тыс. часов опыта работы с цифровыми устройствами, что эквивалентно примерно 3,5 годам непрерывного взаимодействия с «гаджетами» и компьютерами.

Особенности политических взглядов поколения Z

Большая часть представителей поколения Z относится к категории политических абсентеистов, не интересуется политикой, считая ее чем-то рудиментарным, не вписывающимся в их картину мира. Возможно, это также обусловлено достаточно высокими требованиями, предъявляемыми современными политическими течениями к своим последователям. Интересующийся политикой гражданин должен обладать набором качеств настоящего информационного аналитика, что предполагает наработку широкого общегуманитарного контекста.

Однако представители поколения Z в большинстве своем очень плохо знают историю. СМИ с удовольствием тиражируют новости,

¹ В частности, по результатам опросов, проведенных в 2013–2014 гг. порталом для подростков Habbo Hotel.

подчеркивающие историческую безграмотность молодежи. Один из подобных примеров — интервью с выпускницами архангельских гимназий о том, как звали Гитлера и кто написал «Евгения Онегина»¹.

Достаточно низкий образовательный уровень поколения Z в дисциплинах, определяющих культурный багаж образованного человека, предопределяет их слабую эрудицию в том, что связано с различными политическими взглядами и течениями. Большинство представителей поколения Z крайне плохо понимают разницу между консервативными и либеральными ценностями, не могут сформулировать особенности коммунистической идеологии и пр.

Сейчас представители поколения Z составляют меньше 5% от общего числа избирателей в России, но уже через 10 лет их доля превысит 25% (за счет выбывания представителей старшего поколения и увеличения численности представителей поколения Z, достигших избирательного возраста). Однако уже сейчас их количество впечатляет: по данным Росстата, на конец 2014 г. в России насчитывалось около 25 млн человек, рожденных не ранее 2000 г. А значит, все политические силы должны будут считаться с поколением Z и учитывать его особенности. Наиболее дальновидные политические игроки уже сейчас активно развивают различные инструменты, ориентированные на данную целевую группу.

Рис. 2. Портрет поколения «Z» в политике

¹ По мнению опрошенных школьниц, фамилия Гитлера была Наполеон, а Евгения Онегина написал Тургенев

Одна из ключевых особенностей интернет-поведения поколения Z, которая должна учитываться в том числе и в политических коммуникациях, связана, с одной стороны, с резко негативным отношением к всевозможным барьерам и ограничениям, с другой — с представлением об интернете, как о «бесконечно открытой» и «гибкой» среде. Понятно, что эти представления антагонистичны традиционным взглядам на политику в нашей стране.

Для понимания потенциала политической активности представителей поколения Z авторами была предпринята попытка проследить политическую активность «зетов» в социальных сетях — наиболее открытой и свободной территории. Использовались методы статистической обработки информации, предоставленной администраторами сети в открытом доступе.

Как видим, около 1,5 млн молодых пользователей указывают на отсутствие у них политических предпочтений. О коммунистических воззрениях заявляет 1,1 млн человек, почти столько же заявили о социалистических взглядах (1,0 млн человек). Большинство опрошенных придерживаются умеренных взглядов (12,4 млн). Лишь 1,8 млн молодых людей заявили о своих либеральных предпочтениях. На поддержку консервативных ценностей указали около 0,6 млн человек, однако доля монархистов и ультраконсерваторов заметно выше (1,1 млн и 0,9 млн соответственно). Нужно отметить, что примерно половина респондентов воздержалась от высказывания своих политических предпочтений.

Говоря о различных политических инструментах, используемых в сети (рис. 3), можно выделить две их разновидности: институциональные (преимущественно официальные порталы органов власти и политических партий) и неформальные (социальные сети, видеохостинги, форумы и прочие ресурсы). Очевидно, что для воздействия на представителей поколения Z следует обращаться прежде всего к неформальным коммуникационным инструментам, поскольку «зеты» склонны отвергать все формальное, что в их понимании является синонимом «устаревшего» и «косного».

	Кол-во пользователей, млн чел	%
Умеренные взгляды	12,396	38,8
Либеральная идеология	1,785	5,6
Коммунистическая идеология	1,117	3,5
Монархисты	1,071	3,4
Социалистическая идеология	1,022	3,2
Ультраконсервативная идеология	0,944	3,0
Консервативная идеология	0,635	2,0
Индифферентные политические взгляды	1,5	4,7
Не указали свои политические взгляды	11,5	36,0
Всего	31,97	1

Табл. 1. Политические предпочтения молодых пользователей «ВКонтакте» (март 2012 г.)

Механизмы влияния на политическое поведение поколения Z

При выстраивании взаимодействия с представителями поколения Z в политическом пространстве важно учитывать следующие их особенности:

- «зеты» не знают, чего хотят, пока сами это не попробуют, в то же время они могут следовать моде и рекомендациям «френдов» из социальных сетей;
- они привыкли как к снисходительным, так и к завышенным оценкам в свой адрес;
- ожидают опеки на каждом шагу своей самостоятельной жизни (поэтому возможен новый виток популярности патерналистских мотивов);
- они готовы неспешно и скрупулезно вникать в заинтересовавший их вопрос (при условии, что он действительно для них важен и затрагивает ключевые для «зетов» стороны жизни);
- уважают тех, кто лучше владеет важными для них компетенциями (в этой связи политик, который самостоятельно ведет страницу в Facebook с большим количеством подписчиков, будет пользоваться заметно большим авторитетом, чем тот, кто этого не делает);
- с удовольствием становятся наставниками для других в актуальных для них сферах.

Таким образом, можно сформулировать следующие практические рекомендации по формированию желательных траекторий развития политических взглядов и политического поведения представителей поколения Z:

- как можно раньше вовлекать их в реальные политические процессы и формировать «дорожную карту» их политизации;

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ	НЕФОРМАЛЬНЫЕ
✓ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И МСУ	✓ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
✓ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	✓ СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ, ВИДЕОХОСТИНГИ
✓ АФФИЛИРОВАННЫЕ С ГОСУДАРСТВОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ И НОВЫЕ МЕДИА	✓ ИНТЕРАКТИВНЫЕ И ВИРУСНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ, СПАМ-РАССЫЛКИ, ФОРУМЫ

Рис. 3. Инструменты политического влияния в сети

- как можно больше работать по технологиям индивидуального сопровождения и персонального коучинга на начальных этапах вовлечения в политику, постепенно заменяя их вовлечением самого «зета» в наставничество (хотя бы по отдельным компетенциям), что будет способствовать преодолению инфантильности;
- «зетов» труднее мотивировать традиционным набором стимулов, но они готовы работать почти на одном интересе в том случае, если разделяют ценности соответствующей политической силы. Поэтому ключевыми становятся технологии развития и придания смысла, нахождения точек соприкосновения в противовес широко используемым сейчас попыткам «покупки» электората в той или иной форме;
- «зеты» категорически не приемлют бюрократизацию, в том числе в политической жизни. Необходимо всеми силами избегать ее, в первую очередь убирая элементы бюрократизации из коммуникаций (нужно переходить от «птичьего языка» к нормальному человеческому);
- «зеты» склонны пренебрежительно относиться к опыту и авторитету старшего поколения, однако склонны с уважением прислушиваться к мнению представителей своего поколения, добившихся видимых результатов в важных для них сферах жизни (прежде всего в IT-технологиях). Таким образом, роль лидеров общественного мнения для зетов должны будут выполнять их наиболее успешные сверстники, говорящие с ними на одном языке.

Учитывая особенности поколения Z, в отдельную группу рекомендаций можно вынести все, что связано с геймификацией, т. е. применением игровых технологий к рутинным задачам для стимулирования более активного участия в их решении. Существует масса видов деятельности, которые можно назвать играми, некоторые с большей очевидностью, некоторые — с меньшей. Игра — это любой вид интеллектуальной деятельности, осуществляемой человеком для удовольствия, от классических игр (таких, как игра в слова, шахматы, карты, спортивные игры) до компьютерных. Общая теория игр позволяет воспринимать как игру и телевидение, и садоводство, и, конечно же, политику.

Основной проблемой, с которой сталкиваются политические партии при попытке вызвать интерес молодежи к своей деятельности, является мотивирование ее на потребление информации, казалось бы, напрямую не связанной с их повседневной жизнью. Никто не любит скучной политики, но все любят играть в игры, потому что это делается ради удовольствия, развлечения, поэтому «зетов» необходимо убедить, что для них участие в политической жизни будет действительно интересным времяпрепровождением. Например, для повышения вовлеченности молодых людей в социологические опросы на политические темы достаточно сообщить им, что это будет не просто опрос, а «опрос-игра». Подобное смещение акцента позволяет достичь заметного изменения отношения молодых респондентов к участию в опросе. Эта практика может быть перенесена и на другие сферы политической жизни.

Рассмотрим пример¹. Проводился эксперимент, по условиям которого молодых респондентов из двух групп просили принять участие в идентичных опросах для оценки использования ими различных средств массовой информации. В одной группе опрос был представлен в традиционной форме, в другой респондентам сообщили, что им предстоит сыграть в игру, в которой задачей является планирование рекламного бюджета крупной политической партии. Для усиления эффекта были созданы специальные страницы с заданием, а также несколько изменены формулировки вопросов. В ходе опроса-игры респондентам нужно было разложить бюджет по разным «ящикам», соответствовавшим разным каналам коммуникации и СМИ.

По результатам эксперимента (рис. 4), в опросе-игре респонденты провели на 40% больше времени, при этом доля респондентов, давших положительную оценку такому времяпрепровождению, достигла 84% (41% при традиционном опросе).

Основные претензии относительно политических соцопросов сосредоточены вокруг формулировки вопросов и того, в какой форме они задаются. Общепринятой практикой является использование чрезмерно сухих, эмоционально непривлекательных вопросов (в противном случае они могут выглядеть «ненаучно» и быть подвергнуты сомнению со стороны заказчика). Чтобы сделать опрос больше похожим на игру, необходимо в первую очередь пересмотреть подход к формулировке вопросов.

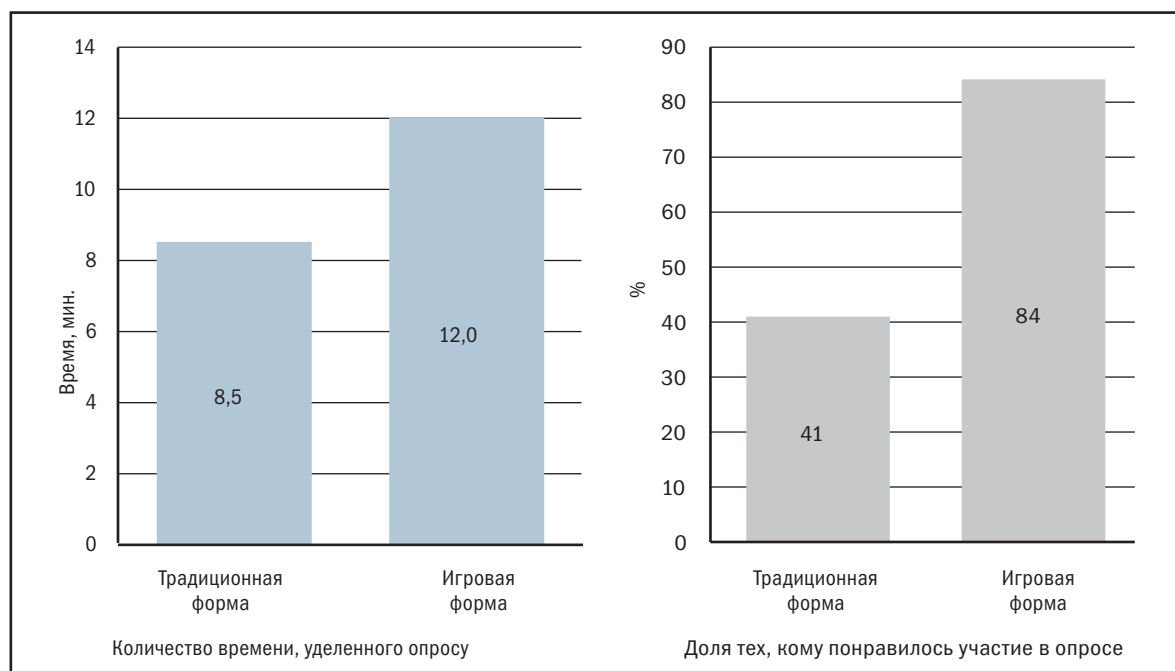

Рис. 4. Результаты эксперимента по внедрению элементов геймификации в социологический опрос

¹ Здесь и далее цитируются примеры из сборника «Онлайн-исследования в России. 3.0» под редакцией А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М., 2012.

Стиль, используемый в опросах в настоящее время (и в политической коммуникации в целом), берет свое начало в «доинтернетной» эпохе личных интервью, когда вовлечение респондента в процесс не рассматривалось как проблема. Гораздо более важными факторами были простота, внятность и высокая описательная составляющая языка опросов, без расчета на использование визуальных образов. В результате стиль и язык вопросов оказывался чересчур подробным и многословным, затем он переключался и в письменные опросы. Классическим примером такого стиля может служить формулировка: «Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями по шкале от 1 до 10, где 1 означает «совершенно не согласен», а 10 — «полностью согласен».

Такого рода формулировки воспринимаются «зетами» как юридический документ и эмоционально отталкивают их от участия в исследовании (или любой другой форме политической коммуникации). При осуществлении любых политических коммуникаций, ориентированных на поколение Z, важно использовать краткий, веселый, понятный и привлекательный стиль. Одна из хорошо работающих практик в данном случае — представить себя в роли опытного телеведущего какой-нибудь популярной телеигры. Стал бы он начинать опрос с фразы «по шкале от 1 до 10»?

Существует множество техник, которые могут быть использованы для мотивации поколения Z к вовлечению в политическую коммуникацию. Ниже приведены три базовых метода, отобранных по результатам анализа многочисленных социологических исследований.

Рис. 5. Пример опроса в формате интерактивной игры

1. *Персонализация.* Это один из наиболее действенных методов вовлечения в коммуникацию (в том числе в социальном исследовании). Обычно он применяется как перефразирование основных положений или вопросов с целью создания у респондентов/участников ощущения, что этот вопрос или сообщение касаются его персонально. К примеру, при проведении опроса на автомобильную тематику вместо того, чтобы спрашивать у респондента, какой у него самый любимый цвет, лучше задать вопрос о том, в какой цвет он бы предпочел покрасить свою машину.
2. *Эмоционализация.* Данный способ заключается в апелляции к скрытым чувствам, которые заставляют респондента серьезно задуматься над сообщением/вопросом. Наличие в вопросе/сообщении некоего эмоционального триггера способно на 50% увеличить как время обдумывания ответа на вопрос, так и расширенность ответа (а следовательно, вовлеченность респондента в коммуникацию).
3. *Проекция,* прием распространенный довольно широко, он предполагает, что респондент выступает от лица другого человека. Это очень действенный способ вовлечения «зетов» в политическую коммуникацию, например: «Представьте, что вы возглавляете политическую партию «Единая Россия». Ваша задача — выбрать СМИ для своей рекламной кампании». При правильном использовании данная техника позволяет как минимум удвоить внимание и обратную связь с респондентом.

* * *

Резюмируя особенности политической коммуникации с представителями поколения Z, можно сделать вывод, что безотносительно к политической платформе и идеологии, исповедуемой теми или иными политическими силами, все они в скором будущем столкнутся с этим поколением как основной движущей силой электоральных процессов. Стратегическое преимущество получат те игроки, которые за счет фактора опережения смогут занять долгосрочные лидерские позиции.

Залогом успеха в привлечении симпатий «зетов» является ориентация на долгосрочные отношения, подкрепленные правильными формами коммуникации, учитывающими отличительные особенности данного поколения. Наиболее успешными будут те политические силы, которые сумеют не просто привлечь «зетов» на свою сторону, но и вовлечь их в свою деятельность.

Статья подготовлена при поддержке Института перспективных гуманитарных исследований и технологий Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова в рамках научно-исследовательского проекта «Интернет-коммуникации российских политических партий».

Научная библиотека вуза в информационном обществе: от мечты к реальности

Статья рекомендована Т. В. Ершовой 18.11.2015 г.

**ИГНАТОВА Екатерина
Сергеевна**
*Заведующая отделом
литературоведения
и искусствоведения Научной
библиотеки Пермского
государственного
национального
исследовательского
университета*

Аннотация

В статье описывается опыт научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета. Рассматривается проблема внедрения информационных технологий в библиотечную деятельность с учетом некоторых особенностей их применения в целях сопровождения учебной и научной деятельности преподавателей и студентов. Сформулированы направления развития информационных и коммуникационных технологий применительно к библиотечной деятельности, которые должны повлиять на результативность и эффективность образовательной среды вуза.

Ключевые слова:

**научная библиотека,
библиотека вуза,
информационное
общество,
информационные
технологии,
образовательная среда.**

Стратегические задачи по повышению конкурентоспособности современной библиотеки и практические задачи развития ее информационного потенциала стимулируют новые подходы к концептуальному пониманию деятельности библиотеки в условиях информационного общества [1–4].

Ключевой составляющей стратегии Научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета (далее НБ ПГНИУ) является ее развитие как информационного ядра образовательной среды вуза [5, 6]. Фонд библиотеки составляет около полутора миллионов экземпляров, ее структура сформирована по кластерному принципу. Основные направления деятельности включают: комплектование фонда, обслуживание читателей (пользователей), сопровождение образовательного процесса вуза, включая научно-методическую и культурно-просветительскую работу.

В качестве основы для анализа в статье используются показатели деятельности Научной библиотеки ПГНИУ за 2013 и 2014 гг. [7, 8] в соотнесении с результатами анкетирования читателей в 2005 г. Посмотрим, насколько ситуация НБ ПГНИУ отвечает возросшей роли информационных факторов в обществе в целом и в образовательном процессе вуза в частности.

Первая информационная потребность читателей, которые рассматриваются в качестве наивысшего приоритета деятельности библиотеки — *поиск необходимой литературы по электронному каталогу*. По мнению читателей, это должен быть «поиск по разным критериям (автор, тема, название, раздел, формат книги)». «Каталог — вот основная работа библиотекаря. Он категорически должен быть электронным. Чем быстрее университетский фонд станет

виден online, тем быстрее мир узнает об университете... Такой каталог потянет за собой очень много и научных, и популярно-образовательных проектов. Он позиционирует университет в рамках российской образовательной среды».

Электронный каталог, действительно, является базовым информационным ресурсом библиотеки, позволяющим читателям осуществлять многоаспектный поиск документов и их заказ. В НБ ПГНИУ процесс создания Электронного каталога ведется с 1992 г. Сегодня его объем составляет 404702 записи (данные на 25.08.2015), что составляет 80% фонда библиотеки.

Электронный каталог НБ ПГНИУ включает семь баз данных собственной генерации с различной степенью глубины раскрытия содержания документов (полнотекстовые, библиографические, фактографические). Одной из популярных баз является база «TRUDI», созданная и постоянно обновляемая сотрудниками научно-библиографического отдела. Это ответ на информационный запрос читателей, которые в 2005 г. заявляли: «Хорошо бы иметь каталог электронных публикаций авторов (пополняемые списки трудов) всех факультетов, доступный не только из библиотеки, но хотя бы из университетской сети».

В настоящее время, помимо аналитической росписи актуальных публикаций сотрудников ПГНИУ, осуществляется ретроконверсия трудов, представленных в картотеке отдела. База данных «TRUDI» пополняется с 2000 г. и содержит в себе библиографические и частично аннотированные записи публикаций сотрудников и студентов ПГНИУ. Процесс ретроконверсии является приоритетным направлением деятельности библиотеки, поскольку в соответствии со «Стратегией развития информационного общества в России до 2015 года» [9] это один из контрольных показателей в области науки и культуры.

Регулярно осуществляется портация электронного каталога в *единую телеинформационную систему университета* (ЕТИС) (режим доступа: http://etis.psu.ru/pls/education/first_page). Данная информационно-техническая платформа интегрирована в систему управления вуза, что соответствует общемировым тенденциям [10–12]. Библиотекари обладают доступом к единому информационному пространству и активно используют его в профессиональной деятельности. Это позволяет эффективно взаимодействовать с преподавателями и студентами, автоматически формировать статистические и отчетные документы.

Приведу слова одного из участников опроса: «Можно ввести систему авторизации — по ФИО и номеру читательского билета — для студентов ПГУ, возможность вводить „цензуру“. Например, залогинившимся юзерам давать больший доступ и т. д.». Сегодня у каждого сотрудника и студента университета в личном кабинете ЕТИС есть электронный формуляр читателя. «Цензура» пока не введена, однако с каждым новым пользователем НБ ПГНИУ подписывает договор об оказании услуг, в котором прописаны правила пользования библиотечно-информационными ресурсами и условия доступа к ним.

В 2013 г. в рамках единого интернет-ресурса (<http://www.vlibrary.ru/>) библиотека приняла участие в реализации проекта «Разработка

информационной системы доступа к электронным каталогам библиотек сферы образования и науки». В систему переданы 294394 библиографические записи основной базы данных электронного каталога НБ ПГНИУ [7].

Таким образом, НБ ПГНИУ производит собственные электронные информационные продукты, которые адресно удовлетворяют информационные потребности читателей, что увеличивает ее информационный потенциал, позволяет сохранять роль важного подразделения вуза и повышать качество обслуживания.

В 2005 г. пользователи высказывали пожелание *организовать сайт библиотеки вуза*. Сегодня сайт НБ ПГНИУ создан, активно ведется и пользуется популярностью [13]. Благодаря этому расширено пользование электронными библиотечными системами.

Сотрудники библиотеки ведут работу по формированию фонда информационных ресурсов удаленного доступа, которые отражают современное состояние и перспективы развития приоритетных направлений образования и науки, соответствующих исследовательским интересам преподавателей и студентов университета. Пользователям НБ ПГНИУ в 2013–2014 гг. предоставлялся доступ к 30 базам данных — e-library, Scopus, ЭБС IPRbooks, Web of Science Core Collection и др.

В 2014 г. количество обращений на веб-сайт библиотеки по сравнению с 2013 г. выросло на 11% за счет увеличения обращений к приобретенным (подписным) базам данных [7]. На сайте представлено большое количество электронных ресурсов для ПГНИУ. Однако, по мнению читателей, «надо завести несколько разделов, например, по факультетам (WWW.LIB.PSU.RU/MECHMATH, WWW.LIB.RU/URIST): кому что нужно, а также место для складирования электронных книг / ссылок посетителями». Адресная организация электронных ресурсов на сайте НБ ПГНИУ является перспективным направлением деятельности библиотеки по развитию ее информационного потенциала.

В целях продвижения приобретенных библиотекой ресурсов было организовано два семинара для преподавателей, аспирантов, студентов и сотрудников университета: «Бренд ученого: как сделать так, чтобы нас цитировали» и «Информационные компетенции преподавателя и сотрудника в современном университете». Библиотека провела большую организационную и рекламную работу, в результате семинары прослушали 98 человек. К видеозаписи семинара обращались 261 раз [7].

Несмотря на достаточное обеспечение электронными изданиями по всем направлениям подготовки в вузе, увеличивается спрос на использование электронных изданий в режиме offline. Проблема защиты авторских прав при чтении книг с мобильных устройств решена путем внедрения системы DRM-защиты ELIS, напрямую связанной с ЕТИС. Размещенные электронные издания хранятся и выдаются в защищенном виде. Незаконное изъятие текста возможно только при фотографировании с экрана, от чего не защищены и печатные издания.

Вновь обратимся к мнениям студентов: «Основное положение — это, конечно, удобство для пользователей. Я намеренно не использовал расхожее клише „читателей“. Это слово нагружено несерьезностью:

почитал — „отвалил“. В библиотеке должны быть условия для полноценной работы. Сейчас же библиотека — разновидность хранилища. Работать в библиотеке категорически неудобно, сама ее структура стимулирует только одно — взять книгу и побыстрее ее покинуть. Это плохо, это неэффективно ни для науки, ни для обучения, ни для самой библиотеки как постоянно и динамично развивающегося проекта. Это хорошо только для книжного склада при университете. Пользоваться должен БРАТЬ книги САМ... Книги должны быть в свободном доступе. Своей доступностью, видом и количеством они будут стимулировать пользователя».

Действительно, *обеспечение доступа к информации* содействует интеллектуальной свободе, распространению знаний, образованию [2, с. 172]. Руководство библиотеки и университета считает, что обслуживание должно быть прежде всего комфортным. Концепция комфортной библиотеки предполагает открытый, беспрепятственный доступ к литературе для всех желающих. Примером комплексного подхода к созданию комфортной среды является читальный зал гуманитарной литературы НБ ПГНИУ, в котором с сентября 2012 г. функционирует проектная комната, организован открытый доступ и зона тишины. Благодаря этому наблюдается значительное увеличение основных показателей обслуживания читателей: посещаемость увеличилась на 44%, книговыдача — на 10% [7, 8].

Похожей стратегии придерживаются и другие отделы НБ ПГНИУ, что также положительно влияет на статистические показатели деятельности библиотеки. В читальном зале естественной литературы и в читальном зале научной литературы выделены отдельные комнаты для самостоятельной работы студентов и преподавателей (зона тишины). В читальном зале научно-библиографического отдела установлен проектор и экран. Проектная комната активно используется для групповых занятий со студентами, аспирантами, для проведения спецсеминаров. Мониторинг и контроль посещаемости читальных залов и абонементов осуществляется с помощью технологии детектирования посещаемости на основе автоматического анализа видеонаблюдений.

В Отделе иностранной литературы организован зал открытого доступа к изданиям «Оксфордского российского фонда», где представлено более 750 экземпляров книг последних 10 лет издания. Тематические разделы включают экономику и менеджмент, политологию, социологию, психологию, компьютерные технологии, философию, логику, этику, религию, искусство, математику, физику. Это соответствует одному из пожеланий читателей, высказанных в 2005 г.: «Фонд должен быть разделен по популярности и типу носителей и соответствующие категории должны быть территориально разделены, звукоизолированы и соответствующим образом декорированы». Сейчас, например, в отделе литературоведения и искусствознания расширена зона свободного доступа, и читатели могут теперь самостоятельно подбирать необходимую литературу. Для облегчения поиска на книжных стеллажах предложена система навигации по жанрам. Отдельно представлен раздел «Книги месяца». Продолжает действовать «буккроссинговый» стол. Читатели с удовольствием приносят и берут интересующие их книги: книги путешествуют от читателя к читателю.

Таким образом, реорганизация пространства библиотеки (зонирование помещений), организация открытого доступа к фондам с интуитивно понятной цветовой системой навигации, создание комфортных условий для самостоятельной и групповой работы способствуют привлечению пользователей в читальные залы.

Обращалось внимание на то, что «на каждой книге должен быть штрих-код и внутри книги неудаляемый стикер с кодом для системы сигнализации, которая напомнит пользователю при выходе из зала, что взятая им книга не зарегистрирована на его имя». В связи с внедрением в 2011 г. RFID-технологии полностью автоматизирован процесс выдачи и сдачи литературы. Сегодня Научная библиотека ПГНИУ осуществляет основную функцию обслуживания с помощью информационно-коммуникационных технологий. Все абоненты внедрили и используют электронную выдачу изданий из фондов своих отделов. Информация о взятых и сданных книгах доступна читателям из личного кабинета в ЕТИС. Также введен в эксплуатацию робот приема книг со станцией автоматической сортировки документов. Робот принимает литературу даже тогда, когда библиотека не работает: считывает RFID метки, и списывает сданные учебники с электронного формуляра пользователя. Благодаря этому обслуживание читателей осуществляется оперативно: обслуживание группы из 30 студентов, каждому из которых выдается по 5–6 книг, занимает менее семи минут при одновременном обслуживании других пользователей.

Сравнительный анализ информационных потребностей читателей, выявленных в 2005 г., и показателей работы библиотеки в 2013–2014 гг. выявил ряд качественных и количественных положительных изменений в деятельности Научной библиотеки ПГНИУ, которые касаются как концепции ее работы, так и используемых технологий. В их числе: ориентация на потребности читателя, внедрение информационно-коммуникационных технологий, обеспечение свободного доступа к информационным и интеллектуальным ресурсам. В 2005 г. на 12-й Международной конференции «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры и бизнеса. Крым-2005» Я. Л. Шрайберг ставил проблему организации открытого библиотечно-информационного образовательного пространства [14]. В 2010 г. он уже анализировал первые результаты ее решения [15]. Можно утверждать, что в Пермском государственном национальном исследовательском университете такое пространство создано и развивается. Предлагаемые Научной библиотекой университета формы обслуживания и образовательный процесс вуза во многом связаны и дополняют друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)»** от 20 октября 2010 г. № 1815-р.
2. **Документы ЮНЕСКО о построении информационного общества** // Библиотечное дело – XXI век. 2005. № 1 (9). С. 4–46.
3. КУЗЬМИН Е. И. **Вызовы и угрозы глобального информационного общества как контекст деятельности библиотек** // Современная библиотека. 2012. № 8 (28). С. 12–18.
4. КУЗНЕЦОВА Т. Я. **Библиотека в информационном обществе: онтологические основания социокультурных трансформаций** // Библиотекведение. 2011. № 1. С. 28–34.
5. ИГНАТОВА Е. С. **Роль библиотечного кластера в развитии информационной культуры современных студентов** // Культура и образование. 2014. № 2 (6).
6. MACCOLL J. **Library roles in university research assessment** // Liber Quarterly. 2010. V. 20. № 2. P. 152–168.

7. **Публичный отчет Научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета за 2013 г.** [Электронный ресурс] // <http://www.library.psu.ru/node/998>
8. **Публичный отчет Научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета за 2014 г.** [Электронный ресурс] // <http://www.library.psu.ru/node/1191>
9. **Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации** от 7 февраля 2008 г. № 212 // Российская газета. 2008. 16 февраля. С. 16.
10. ЗБАРОВСКАЯ Н. В. **Формирование информационно-образовательной среды современных библиотек** // Библиотекосведение. 2006. № 4. С. 50–60.
11. ТИХОМИРОВА Н. В. **Методологические подходы к теории управления современными университетами, интегрированными в информационное пространство** // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 6 (64). С. 6–13.
12. KOLESNIKOVA T. A. **Biblioteka vysshej shkoly i novaja sfera informacionnogo vzaimodejstvija** // Biblioteka vysshej shkoly na novom jetape razvitija social'nyh kommunikacij: materialy mezhdunar. nauch. – prakt. konf., Dnepropetrovsk, 2013. [Электронный ресурс] // http://eadnurt.diit.edu.ua:82/jspui/bitstream/123456789/1776/http://eadnurt.diit.edu.ua:82/jspui/bitstream/123456789/1776/4/019_Kolesnikova.pdf
13. **Научная библиотека Пермского государственного национального исследовательского университета.** [Электронный ресурс] // <http://www.library.psu.ru>
14. ШРАЙБЕРГ Я. Л. **Библиотеки и университеты в электронно-информационной среде: первые шаги на пути от информационного общества к обществу знаний:** Ежегодный доклад Международной конференции «Крым» // Научные и технические библиотеки. 2006. № 1. С. 27–43.
15. ШРАЙБЕРГ Я. Л. **Первое десятилетие информационного века: влияние информационно-электронной среды на роль и позицию библиотек в развивающемся обществе:** ежегодный доклад Международной конференции «Крым» // Научные и технические библиотеки. 2011. № 1. С. 7–64.

Статистическое исследование ключевых индикаторов развития информационного общества в России

Статья рекомендована С. Б. Шапошником 25.11.2015 г.

**КЛОЧКОВА Елена
Николаевна**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой и бизнес-статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Аннотация

Одной из стратегических государственных целей является вхождение России в число 10 ведущих стран по уровню доступности ИКТ-инфраструктуры. В статье рассматриваются ключевые индикаторы развития информационного общества в Российской Федерации за период 2010–2014 гг. Цель исследования — определение основных тенденций в этой области с использованием статистических оценок состояния и динамики инфраструктуры информационно-телекоммуникационной отрасли, секторов информационной индустрии, использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИКТ) в экономике и домашних хозяйствах, во взаимодействии государства с гражданами и организациями. Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики, а также индикаторы, установленные в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и Международным союзом электросвязи. Сформулированные выводы могут служить основой совершенствования государственной политики в области ИКТ.

Ключевые слова:

информационное общество, информационно-телекоммуникационные технологии, индекс развития информационных технологий.

Сфера информационно-телекоммуникационных технологий является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей в мире. В России этому способствуют как естественные преимущества, так и объективно существующие сложности, обусловленные географическим положением и огромной протяженностью нашей страны, схемой расселения населения, диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов.

Сегодня нет альтернатив развитию информационного общества: расширение использования информационно-коммуникационных технологий является условием перехода к новому экономическому укладу, фактором роста качества жизни граждан и производительности труда в экономике, инструментом защиты национальных интересов России. Государственная политика в сфере ИКТ реализуется на основе государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)».

В соответствии с данными Международного союза электросвязи (далее — МСЭ), за период 2010–2014 гг. Российская Федерация достигла значимых результатов в области развития информационного

общества. Индекс развития информационных технологий, ежегодно рассчитываемый МСЭ, в 2014 г. вырос по сравнению с 2010 г. в 1,5 раза. По данным МСЭ, в 2010 г. Россия находилась на 48 месте в международном рейтинге по этому показателю со значением индекса 4,5, в 2011 и 2012 гг. индекс составил уже 5,4 и 6,0 соответственно. В 2013 г. его значение увеличилось на 0,2 пункта и составило 6,2, а в 2014 г. — 6,7, и Россия заняла 42-е место в мировом рейтинге.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторое ухудшение позиции России за последние два года. По итогам 2013 г. наша страна опустилась на одну позицию вниз и заняла 40-е место, а в 2014 г. — 42-е. Однако анализ динамики отдельных составляющих индекса (субиндексов) показывает устойчивую тенденцию к росту за период 2010—2014 гг. (рис.1). Так, по показателю доступа к ИКТ значение индекса увеличилось с 5,59 до 7,25, а по показателю использования — с 1,45 до 4,97, навыков использования — с 8,6 до 9,0 (рис. 1). На наш взгляд, следует ожидать дальнейшего роста индекса развития информационных технологий в Российской Федерации, что будет обусловлено как развитием соответствующей инфраструктуры, так и обеспечением доступа к ней граждан и организаций.

За последние годы Россия значительно продвинулась в рейтинге готовности к сетевому обществу, ежегодно издаваемому Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса INSEAD. Если в 2011 г. она занимала в нем только 77-е место, то в 2012 г. — 56-е из 142, в 2013 г. — 54-е место, в 2014 г. — 50-е место из 148, а по уровню развития инфраструктуры и цифрового контента — 43-е, по доступности сетевых сервисов — 14-е.

Благодаря реализации мероприятий государственной программы по созданию информационно-телекоммуникационной инфраструктуры

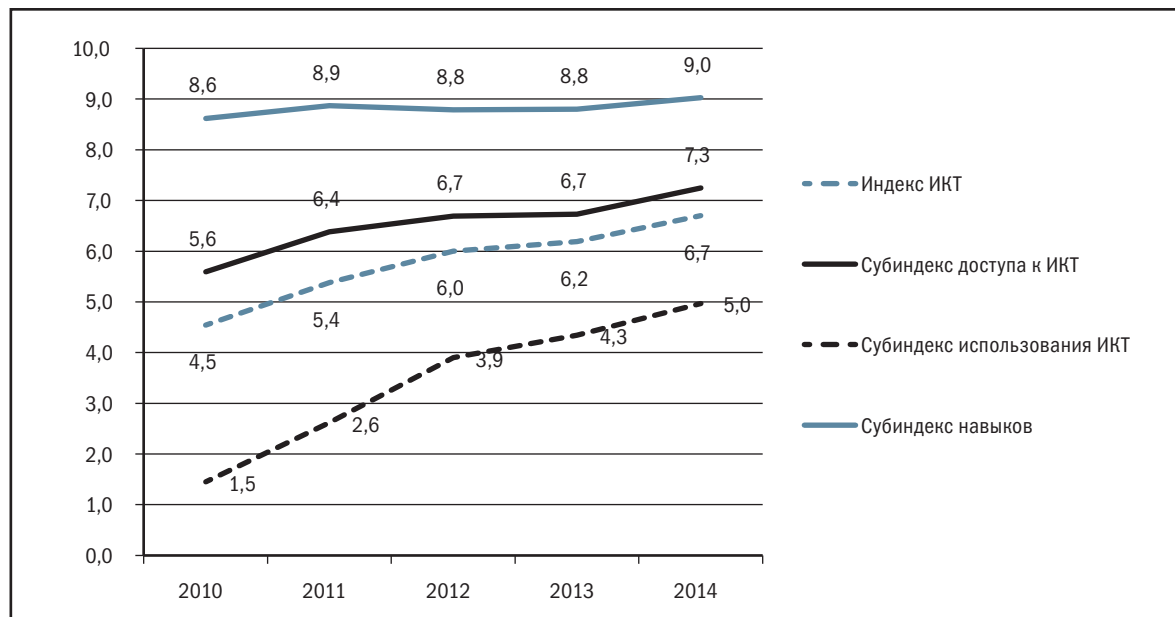

Рис. 1. Значения индекса развития информационных технологий и составляющих его субиндексов для России, 2010—2014 гг.

информационного общества существенно выросли значения показателей, характеризующих доступ к информационным технологиям. Как видно на рисунке 2, по итогам 2014 г. Россия обгоняет страны БРИКС, США, Канаду, Австралию, Японию, Корею, Великобританию, Францию, Германию по количеству абонентов мобильной связи в расчете на 100 жителей.

По данным мониторинга развития информационного общества, в 2014 г. 67,0% российских домохозяйств имели доступ к сети интернет с домашнего компьютера, что более чем на 1/3 превышает уровень 2010 г. (20,7%). При этом 64,1% домашних хозяйств имели широкополосный доступ к сети, что на 13,5% больше, чем в предыдущем году. По данным Международного союза электросвязи, доступ к интернету имели 67,2% российских домохозяйств (больше, чем по данным Росстата), что соответствует уровню развитых стран. Для сравнения: доступом к интернету располагают 77,3% домохозяйств в США, 82,6% домохозяйств в Канаде, 81,7% домохозяйств во Франции, 87,7% домохозяйств в Германии и 86,2% домохозяйств в Японии. В России прослеживается положительная динамика роста числа домохозяйств, имеющих доступ к интернету с домашнего компьютера. В 2014 г. по сравнению с 2010 г. их доля увеличилась с 30% до 67,2% от общего числа домохозяйств. За период 2010—2014 гг. рост доли домохозяйств, в которых есть компьютер, составил

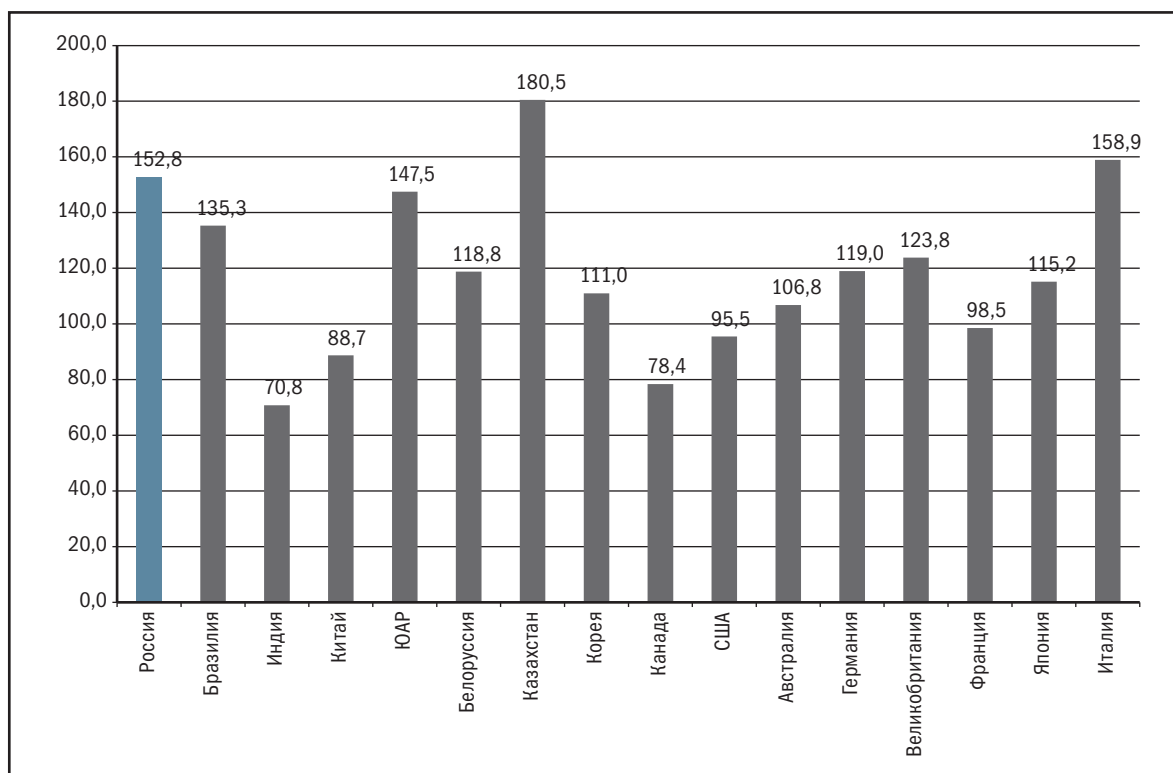

Рис. 2. Число абонентов мобильной связи на 100 жителей в России, странах БРИКС и Таможенного союза, а также в отдельных странах ОЭСР в 2014 г.

1,7 раза (с 40% до 69,7%). В этом отношении Россия уверенно опережает все страны БРИКС и страны Таможенного союза (рис. 3).

За последние пять лет оценка России по субиндексу использования информационно-телекоммуникационных технологий выросла более чем в 3 раза. Так по доле населения, использующего интернет, наша страна опережает не только страны Таможенного союза и БРИКС, но также Италию (рис. 4). Доля пользователей интернета за последние пять лет увеличилась почти вдвое (с 32% до 61,4%, данные МСЭ), по итогам мониторинга развития информационного общества доля активных интернет-пользователей в Российской Федерации в 2014 г. составила 64,9% (это больше, чем по данным МСЭ), что в 1,3 раза превышает уровень 2012 г.

По данным МСЭ, в 2014 году количество абонентов беспроводного широкополосного доступа к интернету на 100 жителей России составило 60,2 абонентов на 100 человек населения. По этому показателю Российская Федерация опережает Канаду и Германию (рис. 5). Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети интернет на 100 человек населения в 2013 г. по сравнению с 2011 г. увеличилось на 35,3% и составило 16,5 абонента. Положительная тенденция наблюдается и в отношении числа активных абонентов мобильного широкополосного доступа (рис. 6). В период 2011–2013 гг. показатель вырос более чем на 25% и составил 60,2 абонентов на 100 человек населения (в 2011 г. – 47,8, в 2012 г. – 53).

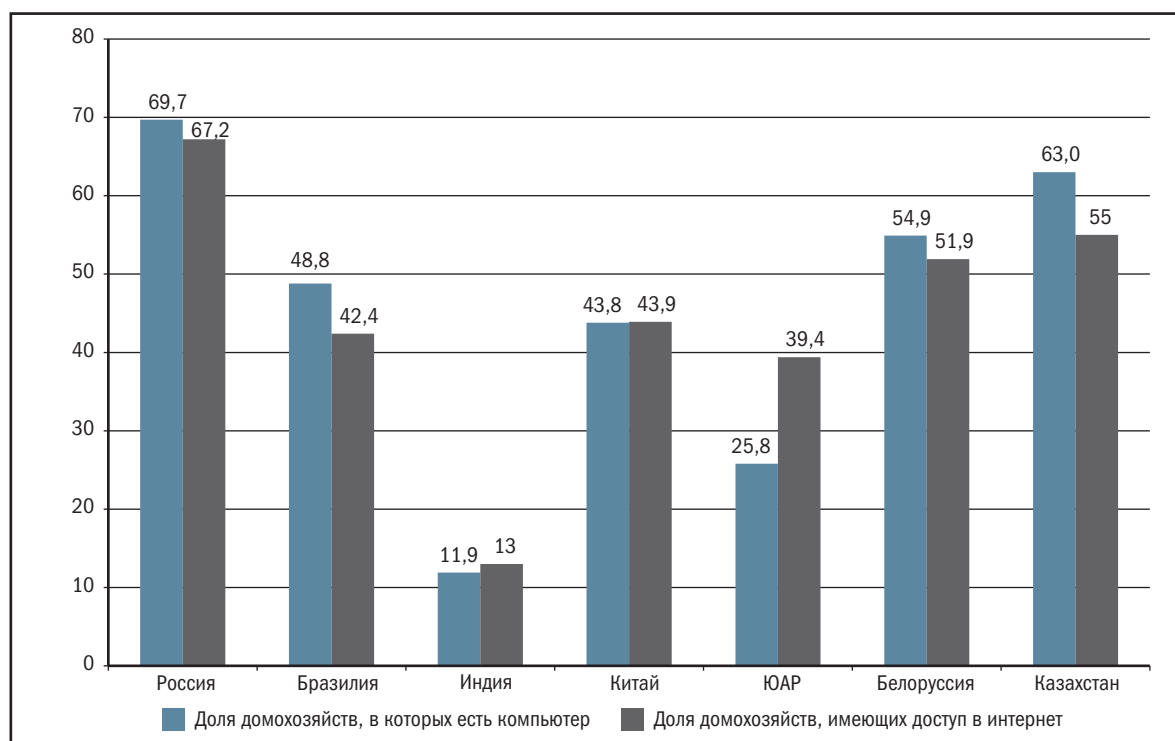

Рис. 3. Доля домохозяйств, в которых есть компьютер, и домохозяйств, имеющих доступ к интернету, % (по данным МСЭ)

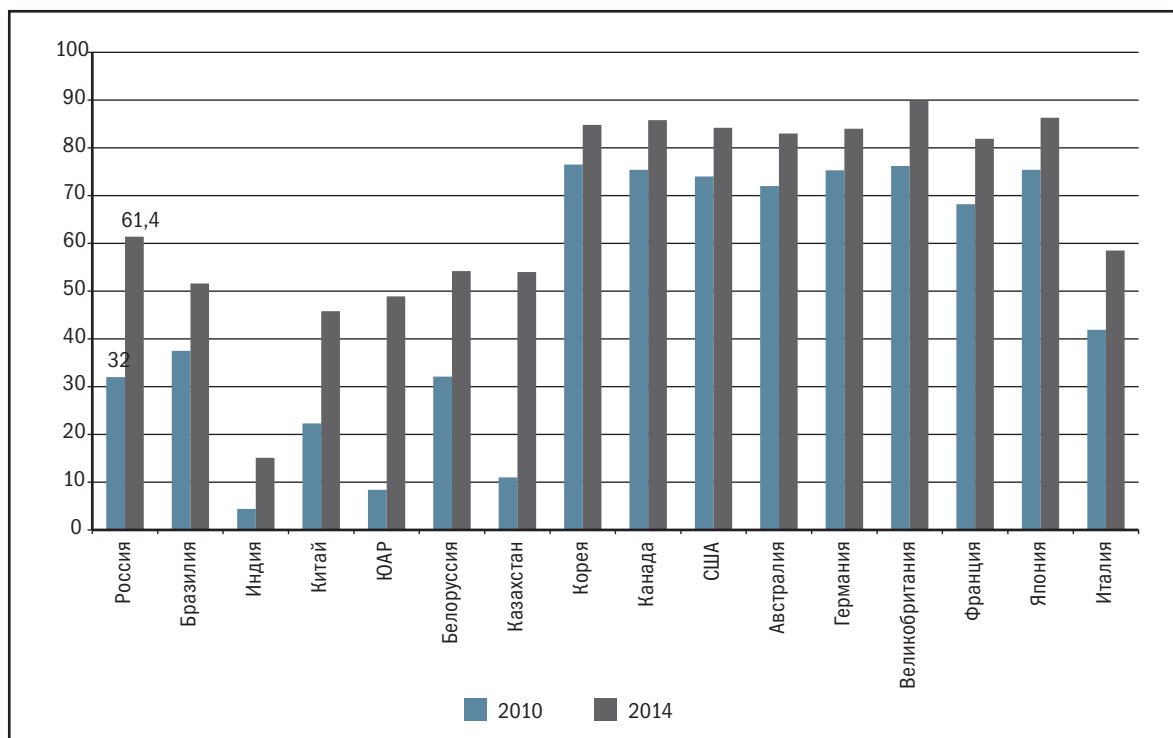

Рис. 4. Доля населения, использующего интернет, в России, странах Таможенного союза, БРИКС и отдельных странах ОЭСР

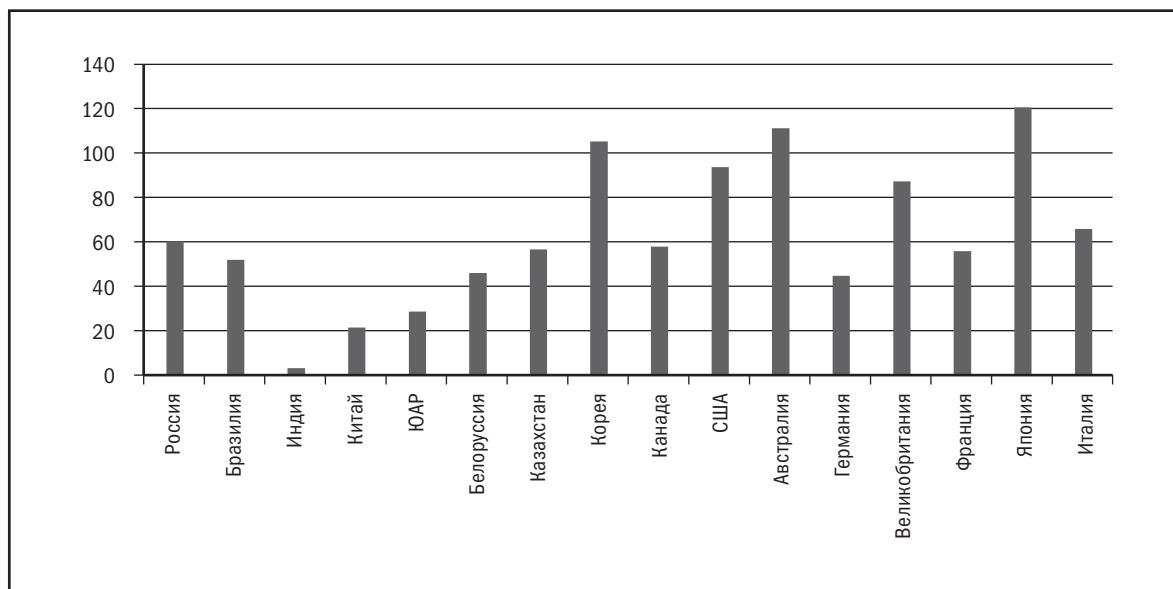

Рис. 5. Количество абонентов беспроводного широкополосного доступа к интернету в России, странах Таможенного союза, БРИКС и отдельных странах ОЭСР в 2014 году

Доля организаций, использующих широкополосный доступ к интернету в 2013 г. составила 79,4%, что на 22,7% больше, чем в 2010 г. (ежегодный прирост — около 12%). При этом удельный вес организаций, использующих доступ к интернету со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в 2013 г. увеличился в 2,3 раза — с 22,1% в 2010 г. до 50,2% в 2013 г.

По данным мониторинга развития информационного общества, заметно повысился уровень цифровизации местной телефонной сети в городской и сельской местности. Если в 2010 г. этот показатель составил в городской местности 83%, то в 2013 г. — 89,7% (темп роста — 108%). Более интенсивный рост отмечен в сельской местности — с 63,9% до 72,5% (темп роста — 113,5%), однако доля телефонизированных населенных пунктов в сельской местности сократилась на 1,2%.

Значительный прогресс отмечается в качестве почтовых услуг. По данным мониторинга, в 2013 г. объем услуг почтовой связи в расчете на одного жителя составил 875 руб., что на 1/3 больше, чем в 2010 г. Ежегодный прирост объема оказанных услуг за рассматриваемый период составил 9,3%. За последние два года значительно сократились сроки пересылки письменной корреспонденции как в пределах населенного пункта (с 7 до 2 дней), так и между любыми населенными пунктами Российской Федерации (с 40 до 20 дней).

Что касается развития информационной среды, существенный рост отмечается по показателю, характеризующему уровень сохранности фондовых материалов. В 2014 г. доля оригиналов фондовых материалов,

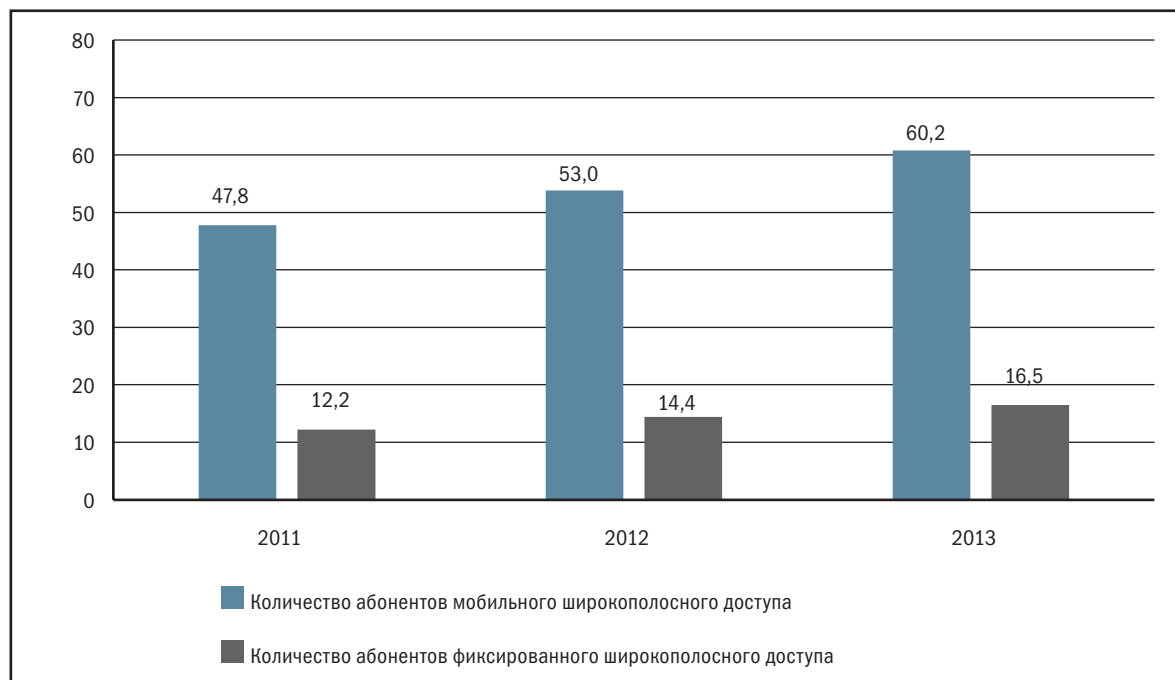

Рис. 6. Динамика числа активных абонентов широкополосного доступа к сети интернет, на 100 человек населения

переведенных в цифровой формат, составила 25,1% (в 2013 г. — 22,9%, в 2012 г. — 19,6%). По данным мониторинга, число музейных предметов, внесенных в электронный каталог за период 2010—2013 гг., увеличилось более чем в 1,5 раза, их доля в 2013 г. достигла 8,8% в общем объеме музейного фонда (в 2011 г. — 6,1%). Доля библиотек, предоставляющих доступ через интернет к своим полнотекстовым электронным ресурсам, в 2013 г. составила 5,2% в общем числе библиотек (в 2011 г. — 2,5%).

Доля организаций, использующих интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), за период 2010—2013 гг. увеличилась на 8,4% и составила 43,4% (ежегодный прирост — 7,4%).

По данным федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий, в 2014 г. доля людей, использующего интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения составила 17,8% (в 2012 г. — 15,2%).

В рамках мероприятий по обеспечению безопасности общества были достигнуты следующие основные результаты.

В 2014 г. только 2,2% граждан России не пользовались интернетом по соображениям безопасности, что свидетельствует о высоком доверии граждан к надежности сети. Доля организаций, применявших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям в 2013 г. увеличилась по сравнению с 2010 г. на 16% и составила 86,7% от числа обследованных организаций, из них использовали в качестве защиты электронную цифровую подпись 77,2% (в 2010 г. — 66,8%), средства шифрования — 39,9% (в 2010 г. — 35,3%). Доля органов государственной власти и местного самоуправления, где использовалась электронная цифровая подпись, в 2013 г. составила 86,9%, что на 16,6% больше, чем в 2010 г. (ежегодный прирост — 5,3%).

Существенно повысилась результативность контрольно-надзорной деятельности Роскомнадзора. В 2013 г. количество обращений физических лиц достигло 9709, факты нарушений подтвердились в 2381 случае (24,5% от общего числа обращений; в 2012 г. — 5368, в 1425 случаях подтвердились факты нарушений, что составило 26,56%). В период с 2011 по 2013 г. наблюдается рост числа обращений граждан в среднем на 73,8%, рост подтвердившихся фактов нарушений составил 166,7%. При этом доля жалоб, по результатам рассмотрения которых подтвердились факты нарушения, за рассматриваемый период в среднем ежегодно снижалась на 4,1%. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. показатель уменьшился на 2,0%. В 2014 г. граждане подали свыше 139 тыс. обращений с жалобами на контент в интернете, представляющий опасность для жизни и здоровья детей, из них 41,7 тыс. записей были признаны опасными и удалены из сети. Тогда же Роскомнадзором и его территориальными органами было рассмотрено 1993 обращения граждан о разъяснении отдельных положений законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также 15309 жалоб на действия операторов, осуществляющих, по их мнению, незаконную обработку персональных данных. По итогам 2014 г. доля нарушений, выразившихся в невыполнении ранее выданных предписаний, сократилась до 6,8% от общего числа выявленных нарушений.

Существенный прогресс достигнут в сфере развития механизмов электронного правительства и перехода к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде. По итогам оценки, проведенной ООН в 2014 г., Россия заняла 27 место по индексу готовности к электронному правительству (в 2010 г. — 59 место), опередив некоторые развитые страны (например, Швейцарию, занявшую 30 место) и большинство стран Восточной Европы, Объединенные Арабские Эмираты, а также страны БРИКС и Таможенного союза. Вместе с тем доля органов государственной и муниципальной власти, использующих системы электронного документооборота, в 2013 г. достигла 74,6%. Значение показателя «Доля электронного документооборота между органами государственной власти» не превысила 49,2% в общем объеме межведомственного документооборота. Доля органов власти, имеющих доступ к интернету со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе обследованных организаций в 2013 г. составила 50,3%, что в 2,2 раза превышает уровень 2010 г. (в 2011 г. — 24,4%, в 2012 г. — 45,7%).

Значимые результаты достигнуты в сфере образования и здравоохранения. По итогам 2013 г. на 100 обучающихся государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений приходилось 12 персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в то время как в 2010 г. — всего 7. Доля учреждений здравоохранения, использовавших интернет, в 2014 г. составила 96,5% (в 2010 г. — 93%).

За рассматриваемый период Минкомсвязи России была проведена огромная работа по популяризации использования государственных услуг в электронном виде. В соответствии с опросом ИРИО, в 2012 г. у населения еще не была сформирована потребность в использовании государственных услуг в электронном виде (показатель составил всего 10%). А в 2014 г. значение индикатора «Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме» составило 35,3% (в 2013 г. — 31,7%). По данным Росстата, в 2013 г. доля обращений граждан за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме, предоставляемых федеральными органами власти, достигла уже 47,7%, органами исполнительной власти субъектов РФ — только 15,9%.

К концу 2011 г. на портале госуслуг числилось 34 319 услуг, в том числе 945 федеральных, 11 739 региональных, 21 608 муниципальных и 27 прочих. В электронном виде предоставлялись 511 услуг, из которых 371 — региональные и 140 — федеральные. Число заказанных региональных услуг в 2014 г. увеличилось на 112% по сравнению с уровнем 2013 г. (до 339 тыс. ед.), муниципальных услуг — в 7,4 раз (до 394 тыс. ед.). Если в 2011 г. число авторизованных пользователей портала чуть превышало 1 млн человек, то в 2014 г. в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) было зарегистрировано 13 млн россиян, в том числе 6 млн чел. зарегистрировались в 2014 г. Это результат как мероприятий в рамках государственной программы в сфере развития инфраструктуры электронного правительства, так и повышения качества государственного управления за счет создания и внедрения современных информационных технологий, в частности, координации ведомственной информатизации.

В области развития телерадиовещания были получены следующие значимые результаты. К 2013 г. достигнут 100%-ный доступ населения Российской Федерации к обязательным телерадиоканалам. Доля населения страны, имеющая возможность приема эфирных цифровых телеканалов, существенно возросла: с 31% в 2011 г. до 85,3% в 2014 г. (в 2013 г. — 76,7%, в 2012 г. — 52,2%). За период 2012—2014 гг. более чем в 2 раза увеличилась площадь территории субъектов РФ, охваченных наземным цифровым вещанием обязательных телерадиоканалов (с охватом не менее 50% населения субъекта РФ). Количество субъектов Федерации, в которых начато цифровое эфирное вещание обязательных телерадиоканалов, увеличилось с 62 в 2012 г. до 82 в 2014 г. При этом число субъектов, имеющих доступ к цифровому телерадиовещанию с охватом не менее 50% населения, выросло с 52 до 80; к цифровому телерадиовещанию с охватом не менее 95% — с 8 до 40. Доля населения, охваченного цифровым эфирным телерадиооповещением о чрезвычайных ситуациях, увеличилась на 33,1% по сравнению с 2012 г. и составила в 2014 г. 85,3%.

Доля детских, юношеских и образовательных программ достигла 17,1% в общем объеме вещания общероссийских обязательных общедоступных телеканалов. За период 2012—2014 гг. количество введенных в эксплуатацию объектов сети цифрового вещания 1-го мультиплекса увеличилось почти в 4 раза. В 2014 г. было введено в эксплуатацию 1623 объектов сетей цифрового вещания 2-го мультиплекса. Количество объектов вещания 1-го мультиплекса, включая объекты опытных зон, по которым начато строительство, увеличилось на 18,6% по сравнению с 2013 г. Аудитория телеканала Russia Today TV в 2014 г. охватывала уже 700 млн человек по всему миру.

Отрасль информационно-коммуникационных технологий вносит значительный вклад в экономическое развитие страны. По сравнению с 2010 г. в 2013 г. удельный вес затрат на информационные и коммуникационные технологии в общем объеме отгруженной продукции увеличился в 1,6 раза; объем инвестиций в основной капитал на оборудование для информационно-коммуникационных технологий — в 1,7 раза. Удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения составляет 2,1%. Количество высокопроизводительных рабочих мест по виду экономической деятельности «связь» увеличилось с 358,2 тыс. ед. в 2012 г. до 361,5 тыс. ед. в 2014 г. (прирост около 10%). По данным мониторинга развития информационного общества, в 2013 г. наблюдалось снижение дифференциации субъектов Российской Федерации по интегральному показателю информационного развития. Если в 2011 г. он составил 3,6, то в 2014 г. — 2,3 (в 2013 г. — 2,6, в 2012 г. — 2,9).

Таким образом, проведенный анализ в целом свидетельствует о положительной динамике показателей развития информационного общества в Российской Федерации. Успехи в реализации мер правового регулирования, предусмотренных государственной программой, позволили России существенно продвинуться в большинстве международных рейтингов, оценивающих готовность к информационному обществу и уровень его развития. По отдельным показателям развития ИКТ Россия входит в число ведущих стран мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственная программа «Информационное общество (2011–2020)»**, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313.
2. **Измерение информационного общества: отчет 2014 г.** // Международный союза электросвязи [Электронный ресурс] URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/wtid.aspx>
3. **Федеральная служба государственной статистики.** [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/
4. САДОВНИКОВА Н. А., КЛОЧКОВА Е. Н. **Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества: факторы и достижения реализации** // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 6. С. 135–139.
5. KLOCHKOVA E. N., LEDNEVA O. V. **Statistical analysis of regional IDI index in the Commonwealth of Independent States (CIS)** // Innovative Information Technologies: Materials of the International scientific-practical conference. Part 3. / Ed. Uvaysov S. U. — М.: HSE, 2014. P. 490–498.

В Тульской области состоялся перезапуск мобильного приложения «Культурный навигатор»

Министерство по информатизации, связи и вопросам открытого управления Тульской области представило новую версию мобильного приложения «Культурный навигатор» — путеводителя по достопримечательностям, маршрутам и событиям региона. Проект реализуется совместно с Министерством культуры и туризма Тульской области. Разработка осуществляется тульским «Центром информационных технологий». Цель проекта — привлечь интерес к историческому и культурному богатству Тульской области. С 2013 г. работает одноименный портал tulagid71.ru. Обновленное приложение расширяет его возможности для пользователей мобильных устройств.

Комментируя выход новой версии приложения, министр по информатизации, связи и вопросам открытого управления Тульской области Ярослав Раков отметил его популярность: «Культурный навигатор» — лидер по числу загрузок среди мобильных проектов правительства Тульской области. Жители загрузили его более 26 000 раз. Прежде всего, проект востребован у гостей нашего региона. Тульская область — край с почти тысячелетней историей. Многие туристы, посетив известные достопримечательности региона, такие как Ясная Поляна или Куликово Поле, хотят открыть для себя менее популярные, но не менее красивые места. В этом поможет наш «Культурный навигатор». «В мае мы серьезно обновили портал. Теперь очередь за приложением. В нем новый интерфейс, добавлен конструктор маршрутов, появилась возможность поиска по всей базе культурно-туристических объектов. Всего в каталоге «Культурного навигатора» более 1 000 объектов и свыше 70 тематических маршрутов, составленных тульскими краеведами. С новым «Конструктором маршрутов» вы легко построите индивидуальную программу, если, к примеру, захотите посетить все музеи рядом с вашим местоположением или подобрать маршрут специально для детей», — рассказал Ярослав Раков.

Новый «Культурный навигатор» распространяется бесплатно для устройств на платформах Android и iOS. Ссылки для загрузки приложения доступны на сайте it.tularegion.ru/apps.

Источник:

http://www.cnews.ru/news/line/2015-11-18_v_tulskoj_oblasti_sostoyalsya_perezapusk_mobilnogo

Abstracts

SLAVIN Boris Borisovich

Candidate of Physical and Mathematical Sciences; Professor, Department of Information Science for Business and Research Advisor, Faculty of Applied Mathematics and Information Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation

Interconnection of Development Stages of Information Technologies and Economy

The article analyzes interconnection between stages of IT development and these of economic development of the society. The author has shown that stages of social development (industrial / postindustrial / information / knowledge society) may be used to classify management technologies (insourcing, outsourcing, crowdsourcing and noosourcing) and managed assets (resources, services, information and knowledge). Economic industries can be combined by technologies and managed assets, thus allowing to compare the respective information technologies. With analysis provided, one can more clearly position the role of IT in the organization depending on the management technologies it employs, and measure IT use maturity.

KEY WORDS

Information technologies, information society, knowledge society, management technologies, managed assets, economic industries.

ALEXEEVA Irina Yuryevna

Doctor of Philosophical Sciences; Chief Research Fellow, Institute for Philosophy, Russian Academy of Sciences

Humanitarian Technologies in the Information War Context

Manipulation-based socio-humanitarian technologies are widely used in the context of modern information wars. E-culture opens floodgates to activation of archaic worldview and behavior programs. The consciousness slides down from the level of systems thinking achieved by the mankind in the middle of the 20th century to the level of image association thinking that is relieved of the urge to understand the essence of phenomena in question. Shaping of modern meta culture of self-consciousness of the society requires development of non-manipulative technologies of consent that efficiently use electronic communication capabilities to improve situation in real world.

KEY WORDS

Humanitarian technologies, e-culture, information war, archaization of consciousness, intelligent sovereignty, meta culture of self-consciousness, non-manipulative technologies, technologies of consent.

TUZOVSKY Ivan Dmitrievich

Candidate of Cultural Studies; Research Fellow, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts

Information Society Paradoxes

The article is devoted to identifying social antagonisms caused by informatization processes that are usually related to the formation of the information society. Arising positive feedbacks between processes of informatization and dehumanization of the modern society are claimed to serve as the reason for deformation of the initial project of humanistic information society and for shaping a special kind of sociality, which can be characterized as a sacral information society or quasi-information society.

KEY WORDS

Social antagonism, disinformation society, quasi-information society, information overload, information noise contamination.

ZHELNIN Anton Igorevich
Assistant, Department
of Philosophy, Faculty of
Philosophy and Sociology, Perm
State University

Information Dimension of Anthropologic Crisis of Civilization

The article considers information aspect of the civilization crisis. Informatization is of ambivalent effect on people. This is associated with excess of information that can result in stress, mental overload and dyscrasia of the nervous system. The latter can give rise to cascade of failures in other body systems. The author concludes that considerable part of human mental disorders and somatic diseases can be caused by information impact. The major way-out from the situation is seen not in restricting information flows, but in improving selective technologies through extending reasonable planning elements.

KEY WORDS
Anthropologic crisis, social and biological, mentality, information, entropy, information stress, neurotization, asthenization, information pathology; information ecology; homeostasis.

CHIZHOV Dmitriy Vyacheslavovich
Candidate of Political Sciences; Senior Research Fellow, Sholokhov Russian Institute for Advanced Study in Humanities and Technology and Assistant Professor, Department of Political Sciences, State Academic University for Humanities

Analysis of Mechanisms Affecting Political Behavior of Z Generation

The article identifies and defines specific features of political views of Z digital generation; analyzes mechanisms of impacting political behavior of the Internet generation; considers specific features of political communication with representatives of Z generation.

KEY WORDS
Z generation, Internet communications, political communication, communication tools, social networking.

IGNATOVA Ekaterina Sergeevna
Head, Department of Literature and Art, Scientific Library, Perm State National Research University

Scientific Library of a Higher Education Institution in the Information Society: from Vision to Reality (case: Scientific Library of the Perm State National Research University)

The article shows the place of modern scientific university libraries in the information society. The object of the article is the Research Library of the Perm State National Research University. The issues of introduction of information technologies in library activities are investigated taking into account some peculiarities of their application. The experience of using information technologies in library work to support training and research activities of teachers and students is considered. The directions of development of information and communication technologies in the library activities in connection with the effectiveness and efficiency of the educational environment of the university are formulated.

KEY WORDS
Scientific library, university library, information society, information technology.

KLOCHKOVA Elena Nikolaevna
*Candidate of Economic Sciences;
Associate Professor, Department
of Industry and Business
Statistics, Plekhanov Russian
University of Economics*

Statistic Research of Key Indicators of Development of Information Society in Russia

One of the strategic goals of the government is Russia being included in top 10 countries leading in information society development. The article considers key indicators of information society development in the Russian Federation for 2010-2014. The research purpose is to determine main tendencies in this field through using statistical assessments of state and dynamics of infrastructure of the information and telecommunication industry, information industry sectors, use of ICTs in economy and households, in interaction of the government with citizens and organizations. The information base of the research covers data of the Federal State Statistics Service, as well as indicators that are established in the state program of the Russian Federation "Information Society (2011-2020)", and by the International Telecommunication Union. The conclusions made can help to improve state ICT policy.

KEY WORDS
Information
society, information
telecommunication
technologies, ICT
development index.

Наши авторы

- АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна** *Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН* ialexeev@inbox.ru
Окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1983 г. работает в Институте философии РАН. В 2002—2006 гг. — начальник отдела философии, социологии, политологии и права в Российском гуманитарном научном фонде.
Область научных интересов: философия науки и техники, гуманитарные проблемы развития информационно-коммуникационных технологий. Автор монографий «Человеческое знание и его компьютерный образ» (1993), «Что такое общество знаний?» (2009), ответственный редактор (совместно с А. Ю. Сидоровым) коллективного труда «Информационная эпоха: вызовы человеку» (2010).
- ЖЕЛНИН Антон Игоревич** *Ассистент кафедры философии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета* zhelningo@yandex.ru
В 2012 г. окончил Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ) по специальности «философия». С 2012 г. — аспирант ПГНИУ по специальности «онтология и теория познания».
Область научных интересов: общая сущность кризиса и кризисы в различных сферах, проблема соотношения социального и биологического в человеке, комплексная природа информации и ее воздействие на психику человека, философские проблемы психологии и нейрофизиологии.
- ИГНАТОВА Екатерина Сергеевна** *Заведующая отделом литературоведения и искусствознания Научной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета* 131013@mail.ru
Окончила Пермский государственный университет. Активно использует в профессиональной деятельности информационные технологии, постоянно повышает уровень информационной компетентности. Реализованы конкурсные проекты: «Деятельность форума «Что читать?» (2012 г., III место в VI межведомственном конкурсе «Молодые в библиотечном деле»), «Библиотечно-информационное сопровождение образовательного процесса магистров» (2013 г., I Всероссийский Конкурс библиотечных инноваций), «Библиотечное сопровождение как условие формирования информационной компетентности магистров» (2014 г., I место в VII краевом межведомственном конкурсе «Молодые в библиотечном деле»).
Область научных интересов: образовательный процесс, информационные и коммуникационные технологии.
- КЛОЧКОВА Елена Николаевна** *Кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой и бизнес-статистики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова* EKLOCHKOVA@mesi.ru
В 2000 г. окончила Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ) по специальности «статистика». В том же году поступила в аспирантуру МЭСИ на кафедру теории статистики и прогнозирования. В 2004 г. защитила диссертацию и получила степень кандидата экономических наук по специальности «бухгалтерский учет, статистика».
С 2001 г. работает на кафедре теории статистики и прогнозирования, с 2005 г. — в должности доцента.
Область научных интересов: статистический анализ, моделирование и прогнозирование социально-экономических процессов.

**СЛАВИН Борис
Борисович**

Кандидат физико-математических наук, научный руководитель факультета прикладной математики и информационных технологий и профессор кафедры бизнес-информатики Финансового университета при Правительстве РФ

bbslavin@gmail.com

В 1986 г. окончил Московский университет им. Ломоносова, в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию в области физико-математических наук. С 2010 г. занимается исследованиями в области ИТ — ролью инноваций и знаний в современной экономике. Является одним из создателей первой в России интеллектуальной экспертной сети EXPINET, алгоритм работы которой является альтернативой социальным сетям.

С 2014 г. — научный руководитель факультета прикладной математики и информационных технологий и профессор кафедры бизнес-информатики Финансового университета при Правительстве РФ, с 2012 г. преподает в Высшей школе бизнес-информатики НИУ ВШЭ. Автор учебных программ в области стратегического управления ИТ, ИТ-сорсинга, управления знаниями. В 2014 г. при поддержке ВШЭ, МЭСИ и Финуниверситета организовал первый в России конгресс, посвященный развитию смарт-общества. Является членом Совета по профессиональным квалификациям в области ИТ, членом Координационного Совета СДС «ИТ-Стандарт».

Область научных интересов: технологии коллективного интеллекта и развитие смарт-общества.

**ТУЗОВСКИЙ Иван
Дмитриевич**

Кандидат культурологии, научный сотрудник Челябинской государственной академии культуры и искусств

idtuzovsky@gmail.com

В 2007 г. окончил исторический факультет Челябинского государственного педагогического университета по специальности «учитель истории и культурологии». В 2009 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологии по теме «Образы будущего в современных социокультурных концепциях (на материале анализа футурологии и антиутопий)». С 2008 г. по настоящее время работает в Челябинской государственной академии культуры и искусств. Готовит диссертацию на соискание ученой степени доктора наук по теме «Социальная мифология и гуманистические альтернативы проекта информационного общества». Автор двух монографий: «Светлое завтра? Утопия футурологии и футурология антиутопий?» (Челябинск, 2009) и «Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество»».

Область научных интересов: социальные трансформации, обусловленные информационными технологиями, развитие интернета и новых медиа, гуманистические проекты развития социума.

**ЧИЖОВ Дмитрий
Вячеславович**

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГТУ им. М. А. Шолохова, доцент факультета политологии ГАУГН, член Российской ассоциации политической науки

dima-chizhov@mail.ru

Закончил Ивановский государственный энергетический университет и Северо-Западную академию государственной службы при Президенте РФ, затем Московскую высшую школу социальных и экономических наук Академии народного хозяйства при Правительстве РФ и Манчестерский университет (Великобритания). В 2006 г. в Российском университете дружбы народов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук.

В разные годы возглавлял информационно-аналитическое направление Коммуникационной группы «Паблсити», координировал региональные информационно-аналитические проекты в ОАО «Газпромнефть», являлся директором Департамента информационной политики и связей с общественностью ЯНАО, директором по развитию Агентства общественных коммуникаций «Golden Ring». Занимался взаимодействием с политическими партиями в Главном управлении территориальной политики Московской области.

Сфера научных интересов: российские политические партии и партийная система, гражданское общество, политические технологии и коммуникации, политическая аналитика и прогнозирование, связи с общественностью и информационная политика. Автор более 20 публикаций.

Указатель авторов, публиковавшихся в журнале «Информационное общество» в 2015 году

АБРАХАМС Люси	№ 2–3, стр. 4
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна	№ 6, стр. 14
АНДРЕЕВ Сергей Юрьевич	№ 5, стр. 25
БАЕВА Людмила Владимировна	№ 2–3, стр. 13
БАРЫШЕВА Галина Анзельмова	№ 5, стр. 13, 35
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна	№ 2–3, стр. 52
ВОЛОШИНСКАЯ Анна Аскольдовна	№ 4, стр. 31
ВОРОБЬЕВА Мария Олеговна	№ 2–3, стр. 108
ГЛАЗЕР Хартмут	№ 1, стр. 4
ГОДЕМАНН Джасмин	№ 5, стр. 48
ГОРЕЛОВ Иван Александрович	№ 2–3, стр. 108
ГРИБОВ Владимир Тимофеевич	№ 4, стр. 39
ДИБРОВ Артем Михайлович	№ 5, стр. 13
ДЬЯКОВА Елена Григорьевна	№ 1, стр. 30
ЕЛИЗАРОВА Римма Узбековна	№ 1, стр. 18
ЕРШОВА Татьяна Викторовна	№ 1–4, стр. 1, № 6, стр. 1
ЕФИМОВ Алексей Борисович	№ 2–3, стр. 68
ЖЕЛНИН Антон Игоревич	№ 6, стр. 35
ЗАХАРОВА Алена Александровна	№ 5, стр. 25
ЛЫСАК Ирина Витальевна	№ 2–3, стр. 45
ИГНАТОВА Екатерина Сергеевна	№ 6, стр. 53
ИЛЬИН Алексей Николаевич	№ 2–3, стр. 59
ИСХАКОВ Алмаз Раилевич	№ 1, стр. 37
КАРТАШОВА Анна Александровна	№ 5, стр. 19
КАШАПОВА Эльмира Рамисовна	№ 5, стр. 4
КИПШАРА Татьяна Андреевна	№ 2–3, стр. 101
КЛОЧКОВА Елена Николаевна	№ 6, стр. 59
КОБЛОВА Юлия Александровна	№ 2–3, стр. 32
КОНЯВСКИЙ Валерий Аркадьевич	№ 4, стр. 17
КОРОВИНА Ольга Евгеньевна	№ 5, стр. 35
КОСЕНЧУК Людмила Федоровна	№ 2–3, стр. 45
КРИСТАЛЬНЫЙ Борис Владимирович	№ 4, стр. 17
КУЗЬМИН Михаил Юрьевич	№ 4, стр. 17
ЛУЦЕНКО Екатерина Сергеевна	№ 2–3, стр. 86
ЛЫСАК Ирина Витальевна	№ 2–3, стр. 45
МАНЖУЛА Олег Владимирович	№ 2–3, стр. 39
МАННАПОВ Альберт Раисович	№ 1, стр. 37
НАЗАРОВ Михаил Михайлович	№ 2–3, стр. 91
НАЙТ Питер	№ 1, стр. 49
НЕБАБА Степан Геннадьевич	№ 5, стр. 25
НЕМТИНОВ Владимир Алексеевич	№ 2–3, стр. 108
ПОГРЕБНОЙ Вадим Юрьевич	№ 5, стр. 41
РАЙКОВ Александр Николаевич	№ 2–3, стр. 68
РЕШЕТИНСКАЯ Маргарита Сергеевна	№ 4, стр. 62
РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна	№ 2–3, стр. 101
РЫЖКОВА Марина Вячеславовна	№ 5, стр. 4
СКЛИФУС Станислав Витальевич	№ 2–3, стр. 86

СЛАВИН Борис Борисович	№ 6, стр. 4
СМОЛЯН Георгий Львович	№ 1, стр. 7
ТАРАН Екатерина Александровна	№ 5, стр. 35
ТРАХТЕНБЕРГ Анна Давидовна	№ 1, стр. 30
ТУЗОВСКИЙ Иван Дмитриевич	№ 6, стр. 25
ФРОЛОВА Елена Александровна	№ 5, стр. 4
ХАННА Наги	№ 2–3, стр. 25
ЦАПЕНКО Ирина Павловна	№ 4, стр. 9
ЧАЙКОВСКИЙ Денис Витольдович	№ 5, стр. 1
ЧЕРНЕНКО Елена Александровна	№ 2–3, стр. 80
ЧЖАО Хоулинь	№ 4, стр. 4
ЧИЖОВ Дмитрий Вячеславович	№ 4, стр. 46, № 6, стр. 42
ШИРКО Татьяна Ивановна	№ 5, стр. 19
ШУБЕНКОВА Александра Юрьевна	№ 2–3, стр. 68
ЮРЕВИЧ Максим Андреевич	№ 4, стр. 9
ЯКУБОВ Тагир Ягудович	№ 1, стр. 37

Указатель статей, опубликованных в журнале «Информационное общество» в 2015 году

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ

Наш бразильский сериал	№ 1, стр. 1
Убунту: я есть потому, что есть ты	№ 2–3, стр. 1
И над нами, как знамена, облака водружены	№ 4, стр. 1
Информационные технологии как фактор социального благополучия	№ 5, стр. 1
Покорив одну гору, начинай штурмовать другую...	№ 6, стр. 1

ЛИДЕРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Достижение общего согласия как принцип управления интернетом	№ 1, стр. 4
Внедрение цифровых технологий: проблемы развития цифрового общества в Южной Африке	№ 2, стр. 4
ИКТ и телекоммуникации теперь могут считаться частью любых решений.	№ 4, стр. 4

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Некоторые ключевые понятия информатизации: категориальный статус и предметная область	№ 1, стр. 7
Исследовательские мегатренды в условиях информационного общества и проблемы социокультурной безопасности.	№ 2, стр. 13

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Трансформация в сетевое общество. Руководство для лиц, принимающих решения	№ 2–3, стр. 25
--	----------------

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Эволюция ментальных моделей в информационно-сетевом обществе	№ 2–3, стр. 32
Разработка рекомендаций по использованию данных Всероссийской переписи населения с учетом концепции открытого правительства	№ 2–3, стр. 39
Современное общество как общество сетевых структур	№ 2–3, стр. 45
Перспективы применения альтметрики в социогуманитарных науках	№ 4, стр. 9
Новые возможности страхования информационных рисков: 15 лет спустя	№ 4, стр. 17
Краудсорсинг: новая классификация для анализа новых возможностей	№ 4, стр. 31
Социальное и экономическое благополучие современного информационного общества	№ 5, стр. 4
Инновационное сопротивление как угроза обеспечению социального благополучия	№ 5, стр. 13
Взаимосвязь этапов развития информационных технологий и экономики.	№ 6, стр. 4

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Письмо и чтение на бумаге и на экране.	№ 2–3, стр. 52
Информационное общество и феномен скользящего консьюмеризма	№ 2–3, стр. 59
Гуманитарные технологии в контексте информационной войны.	№ 6, стр. 14
Парадоксы информационного общества	№ 6, стр. 25
Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации	№ 6, стр. 35
Анализ механизмов влияния на политическое поведение поколения «Z»	№ 6, стр. 42

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

Оптимизация распределения полномочий в рамках региональной информатизации. . . .	№ 2–3, стр. 68
Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты	№ 4, стр. 46

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Как работать с кнопками? Информатизация здравоохранения и проблема организационного сопротивления	№ 1, стр. 30
---	--------------

КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Национальная библиотека Республики Татарстан на пути к информационному обществу** . . . № 1, стр. 18
- 3D графическая реконструкция и визуализация памятника археологии** № 2–3, стр. 68
- Про «облака» и не только: актуальные вопросы развития информационно-библиотечных технологий** № 4, стр. 39
- Научная библиотека вуза в информационном обществе: от мечты к реальности** № 6, стр. 53

НАУКА И ИННОВАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Современные тенденции развития науки и техники информационного общества как основа технологического прогресса будущего** № 5, стр. 19

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО

- Развитие законодательства об официальном электронном опубликовании нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации** № 2–3, стр. 86

ДОВЕРИЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Доверенные сети связи как основа информационной безопасности государства** № 1, стр. 37

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

- К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты** № 2–3, стр. 91
- PR-технологии как инструмент эффективного продвижения государственных программ для молодежи** № 2–3, стр. 101
- Массмедиа и межэтнические взаимодействия** № 4, стр. 62

ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- Статистическое исследование ключевых индикаторов развития информационного общества в России** № 6, стр. 59

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- Информационный анализ видовых изображений объектов городской застройки** № 2–3, стр. 108
- Алгоритм формирования индивидуальной трехмерной модели лица человека из растрового изображения лица и набора частных трехмерных моделей лица** № 5, стр. 25
- Информационные технологии в исследовании благополучия пожилых людей** № 5, стр. 35
- Модель городской транспортной системы как инструмент прогнозирования параметров движения маршрутного транспорта** № 5, стр. 41

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Интернет в Бразилии. Возникновение, стратегия, развитие и управление. Часть 3** № 1, стр. 49
- Молодые люди и устойчивое развитие — отношения с будущим?** № 5, стр. 48

НОВЫЕ КНИГИ

- В издательстве Springer вышла монография российских ученых, посвященная вопросам сетевой экспертизы и коллективного интеллекта** № 5, стр. 54

ДОКУМЕНТЫ, СОБЫТИЯ, ИНИЦИАТИВЫ

- В Самаре прошел XX Всероссийский библиотечный конгресс РБА** № 2–3, стр. 117
- В Москве 17–19 ноября 2015 г. пройдет Международный Форум «eBook Fairs»** № 4, стр. 68
- Итоги III Национальной конференции «Общество для всех возрастов»** № 5, стр. 55